

Олег Радзинь — Боги СКИИ и лишние

негероический
эпос

CoRpus

18+

НОВЫЙ РОМАН
АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
“СЛУЧАЙНЫЕ
ЖИЗНИ”

Corpus Олега Радзинского

Олег Радзинский
**Боги и лишние.
неГероический эпос**

«Corpus (АСТ)»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский О. Э.

Боги и лишние. неГероический эпос / О. Э. Радзинский —
«Corpus (ACT)», 2022 — (Corpus Олега Радзинского)

ISBN 978-5-17-139014-3

Можно ли стать богом? Алан – успешный сценарист популярных реалити-шоу. С просьбой написать шоу с их участием к нему обращаются неожиданные заказчики – российские олигархи. Зачем им это? И что за таинственный, волшебный город, известный только спецслужбам, ищут в Поволжье войска Новороссии, объявившей войну России? Действительно ли в этом месте уже много десятилетий ведутся секретные эксперименты, обещающие бессмертие? И почему все, что пишет Алан, сбывается? Пласты масштабной картины недалекого будущего связывает судьба одной женщины, решившей, что у нее нет судьбы и что она – хозяйка своего мира. И хозяйка мира других. В будущем не хватит места для всех. Только для тех, кто стали богами. Остальные окажутся лишними. В книге присутствует нецензурная брань! В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-139014-3

© Радзинский О. Э., 2022
© Corpus (ACT), 2022

Содержание

Ню реалити	6
Куприянов Live	6
“Маджимикс”	11
Богатые тоже плачут	15
Наваждение	20
Новый поворот	26
Трудности демиурга	28
Неестественный отбор	33
Павильон	36
Перламутровые пуговицы	39
Кворум	42
Кворум 1.0	42
Кворум 1.1	45
Кворум 1.2	50
Кворум 1.3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Олег Радзинский

Боги и лишние. неГероический эпос

© О. Радзинский, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Издательство CORPUS ®

* * *

Поздно. Уж мы обогнули стену...
Николай Гумилев

Ню реалити *не*Внутренний монолог

Куприянов Live

Все началось с Куприянова. Если бы не Куприянов, может, ничего и не случилось бы. А может, и случилось. Теперь трудно сказать.

Саша Куприянов был главной поп-звездой России. Помните – “Твои глаза не дают мне спать”, “Я не забуду тот вечер” и прочая хуйня. Выступал только на стадионах и в Колонном зале. Деньги, слава, всего навалом. Ешь – не хочу. Пей – не хочу. Пой – не хочу. Любимец богов.

Я до той поры не слышал ни одной его песни до конца – так, обрывки клипов. Я был занят своей жизнью и жизнью своей бывшей жены. Хоть она уже и была бывшей.

И неудивительно. Ее жизнь казалась много богаче и интереснее моей. Да и сама она была интереснее меня. По крайней мере, для меня самого. До сих пор не пойму, почему она меня выбрала. Я-то ее точно не выбирал.

Саша Куприянов был кумиром колоссальной женской аудитории с тринадцати до тридцати пяти лет. Под него продавалось все, что они хотят. И многое из того, чего не хотят, а продать нужно. Прогнал клип – впахнул тридцать секунд рекламы. Деньги в банке.

Я слышал про Куприянова от Мориса: он следит за светскими новостями, чтобы быть в тренде, а мне не нужно. Я создаю вечное – сюжеты человеческих жизней. Кто с кем, кто против кого. Кто останется и кто уйдет. Все как в жизни. Если, конечно, в жизни так и есть.

Я – бог. Я – демиург своей малой вселенной. Как и он, я решаю, кто выйдет в следующий тур передачи. Как и он, я анонимен. Как и он, всемогущ (за исключением Мориса и бюджета, хотя кто знает, как это работает на небесах).

Я – сценарист реалити-шоу.

Я решаю, кому уходить и кому оставаться (делается вид, что это решение самих участников). Я придумываю, как повернуть действие, чтобы шоу приняло совершенно неожиданный (выдуманный мною и утвержденный Морисом) поворот. Я пишу жизни, а диалоги на площадке возникают спонтанно: доверяю участникам. О которых я знаю все.

Я часто представляю, как бог обдумывает повороты своего шоу. Как готовит вопросы участникам. Как придумывает препятствия для преодоления. Выстраивает динамику отношений. Интересно, кто его таргет-аудитория? Для чего ему все это нужно? Тоже продает рекламу? Потому что суть любого шоу – продать рекламу. Мне ли не знать? Все лучшие реалити-шоу на отечественном телерынке производит наша компания – Ню Реалити.

Морис и я назвали ее, собственно, Ню Реалити, но при регистрации мягкий знак затерялся, и мы получили документы с нынешним, вдохновенно-провокационным названием.

– Гениально! – зашелся от восторга Морис, когда увидел сертификат регистрации. – Гени-аль-но! Ню реалити! Ню! Голая реальность.

– Голимая, – предложил я. – Голимая реальность. Отражает суть медиума.

Морис любит разговоры о сути телевидения как медиума. Разговоры называются “установочными сообщениями” и ведутся по понедельникам, после утренней летучки, когда режиссер Катя Тоцкая уходит работать и мы остаемся одни. В компании культивируются советские редакционные термины – летучка, аврал, тракт, но не из соображений ностальгии, а в ходе объявленной Морисом борьбы за возвращение к базисным вещам. А более базисное, чем советское, трудно придумать.

– Вся эта новомодность: постмодернизм, постконструктивизм и прочая импотенция – ничего не стоит, – утверждает Морис. – Мы обслуживаем функцию медиума, с которым работаем. Мы должны строить шоу таким образом, чтобы зритель не уходил на другие каналы во время нашего эфира. Все остальное – эстетские выверты, онанизм. Мы – работники рекламы. Продавцы за прилавком. Наше дело – красиво оформить товар и выложить его для таргет-аудитории. Чтобы покупали у нас.

Нашей таргет-аудиторией являются женщины от пятнадцати до сорока пяти лет. Реалити-шоу, как и сериалы, построены на отношениях между персонажами. А кто интересуется отношениями? Не мужчины.

– Телевидение – функциональный медиум, – любит повторять Морис. – Его единственной задачей является продажа рекламы. Телевидение – это пространство для размещения рекламы. Рекламная площадка. И все. Остальные задачи – развлекательность, информационность, воспитание – вторичны по отношению к главной цели. Продал рекламу, и воспитывай. Развлекай. Информируй. А не продал – пошел на хуй, потому что ничего этого не будет.

Вот и вся суть.

Куприянов заболел. Никто из публики точно не знал, что с ним, да никто особо и не интересовался: звезды не болеют. Они пьют, поют, принимают наркотики, спят с другими звездами, разбивают дорогие машины, разбивают сердца поклонницам и поклонникам, устраивают скандалы и иногда – в порыве патриотизма – едут выступать перед российской группой войск, исполняющей интернациональный долг в какой-нибудь далекой стране. Но не болеют.

А он заболел. Причем не чем-нибудь трагическим, как рак, подо что можно устроить пару прощальных концертов в “Лужниках”, снять несколько трагических клипов: опадающая осенняя листва или красиво летящий в свете луны снег, и Куприянов, отпев, уходит в туманную даль. Море девичьих слез – дорогое рекламное время. Каналы крутят, не переставая. Радио – ретроспектива песен Куприянова, посвященный ему концерт других звезд по Первому каналу. В общем, благородный конец. Особенно в денежном отношении.

Но Саша Куприянов болел не раком.

Вот что рассказал Морис после летучки, когда мы остались вдвоем под вечным вопросом на куске толстого ватмана, приклеенного к стене за его столом – ЭТО ВАШ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ?

– Представляешь, вчера ужинал в компании, и там был Валя Денисов. Жуткая история с этим Куприяновым.

Я кивнул, но говорить ничего не стал. А то поймет, что я не знаю, кто такой Валя Денисов.

Мориса не проведешь. Недаром до перестройки и недолгое время после он был самым громким театральным авангардным режиссером. Ему открыты человеческие души. По крайней мере, моя.

– Алан, ты же не знаешь никого. Денисов – это продюсер Куприянова. Саши Куприянова, – на всякий случай добавил Морис. – Певца.

Куприянов болел не раком. Он болел псориазом: чесался и не мог выступать. Куприянов сидел дома и чесался, а другие звезды в это время принялись делить его рекламную нишу. Забирать концерты. Время на радио. Болезнь не смертельная для жизни, но смертельная для карьеры.

– Проблема – отсутствие, – продолжал Морис. – Его никто не видит. Если ты звезда, должен постоянно быть на небе. Чтобы тебя все видели – каждый день. Каждую минуту. Свети всегда, свети везде. В общем, парню пиздец.

Звезды не сидят дома. Дома они гаснут.

Тут-то у меня вырвалось. Само, даже не подумал.

– Морис, а почему он должен отсутствовать? Ему же главное быть в эфире, в поле видимости, правильно? Если он не может прийти к публике, пусть публика придет к нему.

Морис смотрел на меня черными глазами, в которых плавало что-то золотое. Возможно, запах какао от его любимых тонких коричневых сигарилл навсегда застрял в оболочке зрачков.

– Продолжай, – кивнул Морис. Он так говорит, когда чувствует в моих идеях нечто стб́ящее. Зерно.

Морис откинулся на спинку коричневого кожаного кресла и взял со стола узкую длинную пачку с ароматным куревом. Отпил чай со свежей мятой.

– Пусть устроит из своей болезни реалити-шоу: звезда болеет дома. Жена, дети...

– Нет детей, – вставил Морис. – Жена есть. Продолжай, пожалуйста.

– Идея простая – превратить дефект в эффект, – объяснил я. – Куприянов сделает из своей болезни шоу: звезда болеет. Звезда – тоже человек. С каждым может случиться. А если звезда может заболеть, как каждый, то – по обратной логике – каждый может стать звездой. И ты – Клава, Люба, Вера – тоже. Причастие через участие. Прикосновение к живому божеству. Как в церкви.

Морис молчал, окутывая меня коричневатым дымом. Запах какао – туман креативности. Надо запомнить фразу, вставлю в какую-нибудь первую страницу никогда не написанного романа. Бросить бы все и засесть за литературу. Грезы, грезы.

– Ты, Моцарт, гений, – сказал, очнувшись, Морис. Он нашел на столе свой телефон и, полистав список контактов, нажал кнопку. – Денисов? Это я.

Так родилось реалити-шоу КУПРИЯНОВ LIVE. Кто бы мог подумать, чем это закончится. Знал бы – промолчал. Пусть чешется.

По классификации реалити-шоу КУПРИЯНОВ LIVE – это БОЛЬШОЙ БРАТ, но без конкуренции с другими участниками. Саша Куприянов конкурировал со своим псориазом. Борьба героя не с другими героями, а с роком, с судьбой. Это в драме герой борется с другими, а в трагедии герой борется с роком. И должен его победить с помощью зрителей. Вернее, зрительниц.

Главное, объяснили мы ему и Вале Денисову, – ничего не скрывать от камеры. Да, сыпь. Да, незвездно. Но тем лучше! Ты обнажен, открыт перед своими поклонницами, и они это оценят. Будут благодарны, что ты им доверился, допустил в свою жизнь за сценой. Сочувствие, жалость, любопытство – основные женские свойства. И мы должны их проэксплуатировать.

Снимали у Куприянова дома на Новорублевском, но, конечно, достроили кое-что. Утро – процедуры: намазался, разложил таблетки. Завтрак на кухне, жена-модель хлопчет у плиты, и каждая зрительница хочет быть на ее месте. Хочет быть ею. Хочет заботиться о Саше Куприянове, пусть и прикрытом сыпью. Особенно о прикрытом сыпью.

Пара старых клипов – отрывками, под настроение. После завтрака приходят композитор, поэт, музыканты, и Куприянов – в своей домашней студии – разучивает новую песню. Акт творения live. Причастие через участие.

Затем прогулка по коттеджному поселку с верной собакой (придумала Катя Тоцкая, чтобы сменить объект съемки и вывести героя на натуру). Собаки у Куприяновых не было – одолжили. Вернулся домой – фитнес, душ, процедуры. Жена с красивым разрезом накрашенных глаз. Но в тени: главный – он. И зрительницы.

Приходит доктор. Осмотр.

Еще одна находка – день с Куприяновым. Я решил перенести обязательную для реалити-шоу конкуренцию с экрана за экран. Зрительница, предложившая самый интересный метод лечения, проводит день у Куприяновых, чтобы попробовать свое лечение. Намазать его чем-нибудь. Натереть. Ухаживать за больным.

– Нельзя, – сказал Морис. – Не работает. Во-первых, методов этих раз-два и обчелся. А потом что? Во-вторых, аудитория хочет видеть гладиаторские бои живьем, а не знакомиться с их результатами. – Он подумал, вздохнул: – Пусть лучше помогают ему работать над песнями.

Недаром Морис – звезда в нашей индустрии. Это стало поворотным моментом. Параллельно со съемкой у Куприяновых дома в студии начался конкурс среди участниц на лучшее исполнение. Победительницу выбирал не Куприянов. Ему нельзя – он бог. Он в стороне. Выбирали голосованием в интернете и смс (льготный тариф). Затем день работы со звездой. Слезы при расставании. Следующая избранница поднимается на Олимп.

Рейтинги были заоблачные. И когда Саша выздоровел, публика потребовала продолжать КУПРИЯНОВ LIVE. И мы продолжали. Другие звезды просили тоже что-нибудь придумать для них, но в нашем контракте с Денисовым было прописано: нельзя. Или что-то совсем не похожее. А нам хватало и Куприянова. Так бы и жили.

Но однажды в среду Морису позвонил Семен Каверин.

Я умер поздним сентябрьским вечером. Жидкие сумерки, негромкий лай окрестных собак, отступающий перед ночным холодом слабо прогретый северный русский воздух. Зябко.

У постели дежурил доктор Последин – мой отец. Он читал газету, сложив ее так, что мне невозможно было различить мелкий газетный шрифт – длинные черные полоски значков, потерявших смысл. Иногда доктор поглядывал на часы – не пора ли. Мне следовало умереть без девяти минут восемь, ныне ж минуло без четверти.

Ток-ток – каблук за стеной. В комнату вошла мать – красиво прибранная перед выходом в гости: банкет у Розенцвейгов. Она надела мое любимое зеленое платье с низким вырезом полукругом и ярко накрасила лицо – ночной макияж. Посмотрела на меня, на отца. Он молча показал часы. Еще три минуты. Мать снова взглянула на меня, прищурив глаза, и прислушалась: дышу ли. Я дышал, хоть и с трудом. Хрип, слышимый лишь мне самому.

– Милый, тебе еще одеваться. Опоздаем к началу, там речи будут.

– Минута осталась, – успокоил ее отец. – Вот Кирюша помрет, накрою его и пойду оденусь. Мне быстро.

Мать вздохнула и подняла надо мною руки, будто хотела ускорить мою смерть. А может, и хотела. Глупость, конечно, так думать: просто положено держать руки над уходящим. Отец отложил газету и тоже поднялся. Он снял очки (нельзя) и растопырил надо мною четырехпалые ладони.

Скосил глаза на овальный циферблат часов на запястье: пора. Кивнул.

– Снежный ком, великий гнев, лес и море, неподдельный... – начала мать.

– ...ужас, каменный ночлег, море, лес, и крест...

– ...нательный...

Остальное я не слышал, оттого что умер. Ничего. Я текст наизусть знаю: ...под корнями – старый дом, в облаках – чужая ярость... Сам читал, когда мама умерла в прошлом году.

...лес и море, снега ком, нежной кровью наливаясь...

Это первая страница из книги, которую я пытался написать. Она же и последняя. У меня таких много. Мой компьютер забит первыми страницами. Я – мастер первых страниц. Дальше дело не идет. Дальше я сижу и смотрю на слова на экране монитора и переставляю их в поисках лучшего строя фразы, лучшего ритма абзаца, просто лучшего. И так, пока не устану от своей новой первой страницы.

Обычно у меня есть сюжет. Хоть какой-то. А здесь ничего – лишь первая страница ни о чем. Может, она о чем-нибудь? Только я пока этого не знаю.

Сюжет я могу придумать в минуту. Например – упражнение на фантазию. Где-то в срединной России живет семья Послединых – последняя семья существовавшего когда-то мира бессмертных. Они ходят в магазин, на работу, в школу, но умирают каждый год, словно сбрасывают кожу. И рождаются заново – снова сами собой. И снова, и снова. Они заперты в круговороте перерождений. А раньше могли перерождаться в других людей, захватывать их тела, их жизни, их судьбы. И, когда надоест, возвращались в свои жизни, в себя самих, как мы возвращаемся домой из дальних поездок. Теперь – в результате чего-то, что я придумаю позже, – они утратили эту способность, потому что если они выйдут из своих перерождений, то больше не смогут жить вечно. Станут смертными. Они заперты в трех своих телах, в трех жизнях, в трех судьбах. И живут свои судьбы: одно и то же. Пока Кирюша Последин не нарушает этот закон и не влюбляется в обычную девочку Лизу...

Например. Но пока у меня только первая страница. Как и у Послединых – только одна и та же жизнь.

Что, если и наши жизни – первые страницы? Кто их пишет? Где продолжение? Каков сюжет? Или они так и остаются – первыми страницами ни о чем?

“Маджимикс”

Иногда мама кричала, словно жалела об остатках жизни в своем выеденном болезнью теле. Словно просила о помощи. Протестовала. На самом деле она ничего не понимала. Мама уже давно не разговаривала, окончательно прекратив общаться с миром более года назад. Она затихала постепенно, становясь все тише, незаметнее, безучастнее, и так – последние пять лет медленного угасания.

Сперва она подолгу молчала, сидя без движения, глядя мимо находившихся рядом людей, словно смотрела видимое лишь ей кино. Нужно было обратиться к ней несколько раз, чтобы, встряхнувшись, очнувшись от оцепенения, она виновато улыбнулась и попросила повторить. Потом она перестала читать, смотреть телевизор и начала забывать умываться по утрам. Однажды мне позвонили из больницы, где она работала, и сказали, что ее не было уже два дня и телефон в квартире не отвечает. Я нашел ее, полураздетую, на кухне, перед тарелкой с нетронутой едой. Она спала сидя.

Больше мама не ходила на работу.

Вскоре ее речь стала эхом собеседников: – *Ты себя хорошо чувствуешь?* – *Хорошо чувствуешь.* – *Тебе пора принимать лекарство.* – *Принимать лекарство.* Мир, выраженный словами, больше не был ей подвластен: она жила на его окраинах, где не было ничего, кроме эха чужих фраз.

Эхо – отраженный звук. Постепенно оно смолкает, растворившись, став ничем. Так и мама постепенно смолкла, став ничем – черная дыра, антиматерия. Мама поглощала внешние звуки, заботу, лечение, и все это пропадало в ней, не отражаясь на поверхности. Она садилась, когда ее усаживали за стол, ела, когда подносили ложку ко рту, ложилась и лежала с открытыми глазами, когда ее укладывали в постель. А однажды утром всхлипнула и умерла.

Меня не было рядом. Я в это время писал чужие жизни.

Когда я ненадолго переехал к маме после развода, оказалось, что дома нет кофейной машины. Мама отказывалась ее покупать, поскольку кофе не пила и, будучи заведующей кардиологическим отделением, считала его главным врагом человеческого здоровья.

– Ашот умер от кофе, – любила повторять мама. – Не пил бы кофе, был бы жив. Кофе сжег его сердце.

Отец умер от инфаркта, когда мне исполнилось семнадцать.

Я помню, как он варил кофе в старой медной турке, следя за поднимающейся коричневой пеной. Я стоял рядом, слушая мелкое бульканье, замороженный вздыманием кофе к забрызганному всплесками краю, над которым начиналась пустота. Меня удивляло, что иногда кофе поднимался медленно, а иногда вдруг стремительно рос, наливаясь массой от синего пламени конфорки, стараясь убежать, словно ему становилось нестерпимо жарко. Я не мог понять, как отец всегда успевает вовремя снять турку с огня.

– Нужно представить, что ты сам – кофе, – учил отец. – Что это ты в турке. И почувствовать, когда ты больше не можешь. Когда нужно сойти с огня. Гляди, мне даже смотреть не надо.

Он закрывал глаза, ждал несколько секунд и снимал турку вовремя. Я тоже закрывал глаза и пытался представить себя медленно закипающим кофе, густой тьмой в маленькой турке. Но всякий раз, когда мне казалось, что я чувствую нестерпимый жар, я открывал глаза и видел отца, наливающего вязкую жидкость в специальный кофейный стаканчик, привезенный из Сухуми. Он никогда не пил кофе из чашек.

– Чашки – для чая, – любил повторять отец. – Поэтому их и называют “чаш-ки”. Посуда для чая.

Я долго в это верил, убежденный, что у чашек и чая один корень. Потом я узнал, что это польское слово *czaszka*, и означает оно “череп”. Мол, пьют из черепа. Была такая традиция.

Кофе из черепов не пьют. Пьют из стаканчиков.

Переехав к маме после развода, я решил научиться варить кофе. Продолжить семейную традицию.

Поискал отцовскую турку, не нашел и спросил маму.

– Я ее выкинула сто лет назад, – сказала мама. – Глядеть на нее не могу. Ашот сварил в ней свое сердце.

После этого я купил машину *Nespresso*. Модель *Magimix*. “Маджимикс”. Волшебная смесь. Подходящее название для нашей семьи. Хотя в нашей семье так ничего и не смешалось.

Всю жизнь я не совпадал со своей фамилией, вернее, с ожиданиями людей от этой фамилии. Люди, узнав, что меня зовут Алан Ашотович Арзуманян, всегда спрашивают:

– Вы – армянин? Правда? А не похожи.

Все думают, что Алан – армянское имя. Это не так. Имя я получил по ошибке: мама – дитя 70-х, как и все советские девочки того времени, была влюблена в Алена Делона. Родив меня, она пошла в ЗАГС и сообщила регистраторше, что хочет назвать сына Аленом. Мнение отца не учитывалось: он остался неизвестным (по крайней мере, мне). Надеюсь, мама знала, от кого меня родила. А может, и нет: 80-й год, расцвет заката великой державы. Люди отвлекались, как могли.

Регистраторша то ли слушала невнимательно, то ли не любила Алена Делона – хотя в такое трудно поверить, и записала меня Аланом. С “а” вместо “е”. Исправлять она отказалась, и я остался Аланом. С ударением на второе “а”. Впрочем, как хотите.

Я стал армянином в шесть лет, когда мама вышла замуж за папу Ашота. Во всяком случае, сыном армянина. *Мер тгхан* – наш мальчик. Так меня называла бабушка Гаянэ.

Каждое лето меня отправляли в Сухуми, к бабушке Гаянэ. Мать везла меня на поезде двое суток, пересадка в Сочи. Мы уезжали в начале июня, в Москве еще шел холодный дождь, а на Кавказе уже наступало тепло, и воздух пах солнцем. За Краснодаром появлялись тетки на станциях, продававшие неизвестно откуда так рано взявшиеся овощи – огромные южные помидоры “бычье сердце” и короткие огурцы в крепких пупырышках. На платформах стояли покрытые марлей ведра с горячей отварной молодой картошкой, посыпанной укропом. Она продавалась маленькими кастрюльками. Все спешили, торопливо торгуясь, хотя и тетки, и пассажиры были согласны на несвою цену. Затем поезд протяжно гудел и медленно трогался, позволяя пассажирам схватить накупленное и вспрыгнуть на подножку плывущего мимо вагона. Чужая жизнь оставалась на станции, и колеса, набирая скорость, выстукивали по шпалам “на юг на юг на юг на юг на юг на юг на юг на юг”. Я залезал на верхнюю – мамину – полку и смотрел на мелькающий мир. Из приоткрытого окна в лицо бил теплый воздух родины.

Бабушка Гаянэ жила в большом, бестолково построенном доме на улице Чанба. В саду росли мандарины, айва и тутовник. Вдоль дома тянулась крытая веранда с двумя старыми гамаками и креслом-качалкой с продавленным плетеным сиденьем. Оно называлось “папино кресло”, потому что в нем любил сидеть дедушка Акоп. Как и мой папа Ашот, дедушка был хирург, знаменитый на всю Грузию. Бабушка Гаянэ, отец и его младший брат дядя Давид любили вспоминать, как дедушку уговаривали переехать в Тбилиси, обещая квартиру, машину и прочие советские стимулы. Дедушка отказывался, ссылаясь на любовь к морю. Он никогда не ходил на пляж.

Я не видел дедушку Акопа – он умер раньше, чем я первый раз приехал в Сухуми. Раньше, чем я стал армянином. Раньше, чем мне разрешили сидеть в его кресле и качаться.

Кресло называлось *айрики атвор* — папино кресло. Я назывался *мер тгхан*. А бабушка Гаянэ была вовсе не бабушка, а *татик*. Чудесный мир Абхазии, в котором все называлось по-армянски.

“Маджимикс”.

Мама возвращалась в Москву, и они с отцом приезжали в Сухуми в начале августа. Дом наполнялся их голосами, русской речью и походами на пляж. Пока их не было, мы с бабушкой Гаянэ ходили только на рынок. На пляж я – незаслуженно редко – ходил с дядей Давидом. Он никогда не купался; говорил, что это занятие для отдыхающих. Все в Сухуми делилось на отдыхающих и местных. Я был посередине.

После ужина взрослые долго сидели за столом на веранде, а я качался в дедушкином кресле, слушая их разговоры и не понимая слов – ни армянских, ни русских. Постепенно сердце начинало биться в такт скрипу полозьев по кафельным плиткам: туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Я засыпал, соскальзывая в этот ритм, и мир сна качался внутри меня – медленно, плавно, тягуче. В сон проникали голоса отца и дяди Давида – громкие, с множеством гортанных звуков, словно они набили рот горохом и пытались его выплюнуть. Затем *татик* Гаянэ говорила что-то тихое, и мужчины замолкали. После этого в мой сон вливался сигаретный дым: отец и дядя Давид молча курили, не глядя друг на друга.

Мне нравился запах дыма: он нес покой, словно только прошел дождь. Я снова погружался в *туда-сюда* качающийся сон, где дедушка Акоп, похожий на самого себя с большой фотографии, висевшей на стене в гостиной, дедушка Акоп, так любивший море и никогда не ходивший на пляж, вез меня вдоль берега на почти черном ослике, которого я утром видел на рынке. Дедушка был молодой, моложе отца, и женат на моей маме. Она шла рядом, но ее не было видно. Мы ехали в Тбилиси.

Седло ослика качалось, словно *айрики атвор* на веранде, и потом меня куда-то несли, раздевали, и ослик говорил маминым голосом:

– Спи, спи. Закрывай глазки и спи.

Окна моей комнаты выходили в сад. Все комнаты в доме, кроме большой темной гостиной и комнаты дяди Давида, выходили в сад. Комната дяди Давида выходила во двор перед входом в дом. Двор был огорожен забором, за которым тянулась улица Чанба – длинная, пыльная, полная канав, неторопливая, словно степная река. В Сухуми вообще мало кто спешил. Там некуда было спешить.

Дядя Давид не спешил никогда. Он спал допоздна в своей комнате с окнами во двор. Окна были задернуты бордовыми занавесками, даже когда дядя Давид не спал. У забора росли три мандариновых дерева с плохими, горькими мандаринами. Хорошие мандарины росли с другой стороны дома, в саду.

Дядя Давид никогда не спешил, потому что не работал. Он просыпался поздно и долго курил, лежа в кровати, внимательно наблюдая процесс расползания дыма в красноватом от занавесок воздухе комнаты. Каждый раз, когда дым становился неразличим, дядя Давид закрывал на секунду глаза и снова затягивался, а затем выпускал белесую струю строго вертикально в потолок. Мне кажется, в курении ему больше всего нравилось выдыхать дым.

Я ждал, когда он проснется, чтобы прийти в его полутемную комнату и, забравшись с ногами на подоконник у настезь раскрытого за бордовыми занавесками окна, следить за тающим дымом. Я знал, что дядя Давид проснулся, потому что везде, даже на веранде, начинало пахнуть табачным дымом. Дым служил дяде Давиду переходной средой от сна к яви: жизнь снов таяла в полуденном воздухе вместе с дымом, и другая жизнь, впитав и растворив сны, становилась реальностью. Постепенность этого процесса примиряла дядю Давида с необходимостью жить.

Когда я вырос, в каком-то журнале прочел статью “Что мы вдыхаем, когда люди вокруг нас курят”. Там говорилось, что в сигаретном дыме в ряду прочих составляющих содержатся смола, никотин и монооксид углерода. Мне больше всего понравилось слово “монооксид”. Оно звучало как имя древнегреческого героя.

В статье также говорилось, что на данный момент известно более семи тысяч разных химических веществ, содержащихся в табачном дыме. Органы здравоохранения, писал автор, выделили около семидесяти составляющих дыма, которые потенциально могут являться причинами заболеваний, связанных с курением, таких как рак легких, заболевания сердца и эмфизема. Слово “эмфизема” мне тоже понравилось. Подходящее имя для красивой девушки. Эмфизема, возлюбленная Монооксида. Она ищет его повсюду, а он тает вместе с дымом. Ужас, греческая трагедия. Статья заканчивалась призывом к курящим не курить, а к находящимся рядом с курящими – не дышать.

Дядя Давид даже не подозревал, какие опасности таились в сигаретном дыму. Он так и не узнал, что от этого можно умереть. Впрочем, от этого он и не умер: дядя Давид умер от сдавливания сонной артерии, подающей кровь мозгу. Обычное дело, если надеть на горло петлю из намыленной хозяйственным мылом веревки, перекинуть ее через черную от старости балку под потолком и спрыгнуть с обеденного стола в темной гостиной, куда все лето никто не заходит.

Его нашел я. Он висел, чуть не доставая до пола. Я пошел его искать, потому что в то утро не пахло дымом.

Богатые тоже плачут

Мориса знает вся Москва. То есть все, кто в Москве что-то значит. О ком говорят. Пишут. Показывают по ТВ.

Элита.

Морис – до победы социализма над самим собой – слыл главной надеждой отечественного театрального авангарда. Еще в 80-х, когда я был совсем маленький, все стремились попасть на спектакли его студии ТИР: они игрались в домах культуры либеральных НИИ. Либеральными НИИ были обычно строго засекреченные институты и наблюдалось четкое соответствие: чем засекреченнее институт, тем либеральнее его сотрудники. Они мало чего боялись, оттого что приносили реальную пользу обороне строя, скатывавшегося в черную дыру противостояния с Западом. Население в дыру не хотело, но мало что могло с этим поделать. Оттого в моде была симуляция общественной жизни через приобщение к жизни художественной. Подальше от окружавшей позднестазойной реальности. И никто не был дальше от реальности, чем Морис и его студия ТИР.

ТИР – Театр Инновационной Режиссуры. Понимай как хочешь. Как можешь. Спектакли, идущие по три дня без перерыва. Зрителям выдают одеяла, актеры продолжают играть. Вернее, не играть, а жить на сцене. Непрерывная импровизация. Нереализм, построенный в отдельно взятой студии. Радикальное переосмысление театральной традиции. Мол, мы, как в тире, расстреливаем зомбирующее нас старое искусство с его бесконечным повторением одних и тех же приемов и методов. Попадаем в цель. И под треск наших выстрелов рождается новое, настоящее. Нереальное становится новой реальностью. Это мне Морис потом объяснил.

Пока Морис расстреливал старое искусство в своем ТИРе, за стенами студии начали стрелять по-настоящему. Перестройка сменилась пугчем, СССР – Россией, формальные поиски в искусстве – поисками реальных заработков в жизни. Деньги стали важным фактором новой действительности: на них можно было купить необходимое и не очень. Морис задумался о новом мире и пошел работать на телевидение. Делал рекламу, на которой мы и встретились, утвердился, окреп, и затем нам открылся чудесный мир реалити-шоу, где все как в жизни. Эту жизнь пишу я.

– Знаешь, что было главным в Советском Союзе? Искусство. Главнее, чем жизнь. И знаешь, что случилось после перестройки? – любил повторять Морис. – Искусство проиграло жизни. Ну и хуй с ним.

Семен Каверин позвонил Морису в среду. Мориса знает вся Москва. Каверина знает пол-России: он – посредник между миром олигархов, миром шоу-бизнеса и медиа. Миром тех, кто дает деньги, и тех, кому они нужны.

Каверин – Харон: перевозит людей из одного мира в другой. Редко кто возвращается.

Трудно сказать, что Семен делает, но он везде. Он – знаменитый ресторатор: самые дорогие рестораны в Москве и Петербурге принадлежат ему и финансирующим его людям. Он – продюсер всех нашумевших фильмов и всех модных арт-проектов, член всех художественных жюри и всех комитетов, присуждающих премии в литературе и искусстве, участник всех важных ток-шоу на телевидении, но при этом дружен с либеральной интеллигенцией. Везде свой. Постоянно видим и слышим. Его присутствие в российском медийно-художественном мире ощутимо, как липкий воздух в жару в большом пробензинном городе: некуда деться.

Они давно дружат – с голодной юности. Каверин занимался у Мориса в студии ТИР, но вовремя ушел и превратил собственную жизнь в непрекращающееся реалити-шоу о себе. Шоу можно было бы назвать СЕМЕН КАВЕРИН – ВЕЗДЕ И ВСЕГДА. Идет без перерыва. Только одеяла зрителям больше не выдают.

Вечером в среду Морис позвонил мне.

– Аль, не спишь еще? Не мешаю? – и не дождавшись ответа: – Каверин объявился. Хочет с нами позавтракать. В восемь тридцать.

Каверину в нашем бизнесе не отказывают. Да хоть бы и в шесть.

Завтрак был забронирован в ресторане Каверина “Пирамида” на Пречистенке. Я и не знал, что в “Пирамиде” кормят завтраками. Жизнь таила множество тайн.

Завтрак был забронирован в VIP-клубе, о существовании которого я тоже не знал. На третьем этаже рядом с лифтом. Я до этого в “Пирамиде” только ужинал, и притом на втором этаже. Каждый следующий этаж предлагал меньшее количество столиков, но более дорогое меню. Отсюда и название.

Внутри VIP-клуба, у двери которого стоял охранник, нас провели в отдельную комнату человек на шесть, где сидел Семен Каверин. Один. Моложавый, стройный, седой. Хорошо сохранившийся Ричард Гир.

Каверин говорил по телефону, но встал, помахал нам рукой и жестом пригласил садиться. Он быстро закончил беседу, которую мы старались не слушать, положил телефон у своего прибора рядом с двумя точно такими же и пошел к Морису обниматься.

Ненавижу российскую привычку мужчин обниматься. Впрочем, меня Каверин обнимать не собирался.

Морис представил нас друг другу, пожали руки.

– Алан – наш главный актив: генератор идей. Идеи его, исполнение мое.

Это он чтобы Каверин понял, почему я присутствую. Мою значимость.

– Арзуманян? Армянин? – удивился Каверин. – Совсем не похожи. Совсем. Бареф, бареф, джан.

Я кивнул: бареф и бареф. Я и не такое слышал.

Интересно, почему все уверены, что люди с армянской фамилией обязательно говорят по-армянски? Я, например, не заговариваю с евреями на иврите. Или на идише.

– Я уже все заказал, я здесь три раза в неделю завтракаю. Наизусть знаю, – уверил нас Каверин.

Мы не спорили.

– Кофе можно попросить? Эспрессо? Двойной.

– Конечно, сейчас-сейчас. – Каверин нажал кнопку, дверь тут же открылась, но никто не вошел. – Двойной эспрессо. Морис, что-то пить будешь?

– Я кофе больше не пью. – Морис обернулся к двери: – Мне, пожалуйста, свежую мяту.

– И мне, и мне тоже, – подхватил Каверин. Дверь закрылась. – Правильно делаешь, я тоже урезал. А вы, Алан, зря нажимаете на кофе: страшная вещь. Могу прислать вам статистику. Пока молоды, начинайте беречься. Потом труднее. Кофе – главный яд.

Ему бы поговорить с моей мамой. Только теперь с мамой не поговоришь.

Морис достал пачку сигарилл, зажигалку.

– Морис, друг дорогой, ты что же это? Давно нужно бросить! – замахал руками Каверин. – Ты сам как вообще? Диету соблюдаешь? – Он оглядел оплывшую фигуру Мориса и бестактно покачал головой. – Спорт хоть какой-нибудь... Налегай на кардио, особенно кардио. В нашем возрасте кардио – самое главное.

Морис закурил и прищурился на дым. Совсем как дядя Давид.

– Сень, я тебя сколько знаю? Лет тридцать?

– Не будем открывать свой возраст, – засмеялся Каверин. Задумался, посчитал. – Да уже больше тридцати.

– Давай о деле, Сень. Мы же понимаем, что ты нас позвал не завтраком кормить и не о здоровье говорить. Что у тебя к нам дело.

Морис – он такой. Умеет разговаривать с этими людьми. Знает, когда и с кем быть прямым. А когда и с кем не стоит.

Принесли мой кофе, два небольших чайника со свежесваренной мятой, и в наполнившуюся запахами вкусного пара комнату вошли три официанта с нашей едой.

Каверин подождал, пока они расставят тарелки, но отказался от их дальнейших услуг:

– Сами все положим. Спасибо. Потом позовем.

Так и сделали: сами все себе положили.

Кофе был крепкий, вкусный, но с кислинкой. Я такой не люблю: люблю горький и без кислинки. Дело вкуса.

– Морис, друг дорогой, – прожевав что-то мясное, начал Каверин: – Народ возбудился после вашего КУПРИЯНОВ LIVE. Рейтинги сумасшедшие. У Саши концерт за концертом. Его клипы крутят все каналы, диджеи с ума посходили: какое радио ни включи – Куприянов.

Морис кивнул, признавая наш успех. Ничего не сказал. А я и подавно.

– В общем, у народа родилась идея обратиться к вам за помощью.

Народом оказалась группа олигархов. Каверин обронил несколько известных всей стране фамилий – Найман, Поседин, Чубарков, Кляйнберг, Покровский. Главные люди России обращались к нам за помощью. Ради такого стоило встать в семь тридцать утра. Я окончательно проснулся. Не от кофе.

– Народ заказал социсследование, – объяснил Каверин. – Типа “За что нас не любят”. Интересные результаты, неожиданные. – Он положил себе два тонких блина из гречишной муки, подумал и отложил один обратно. – Неожиданные результаты.

– А что тут исследовать? За бабло и не любят. У нас не любят богатых.

– Вот и ошибаешься, Морис. Они тоже так думали, но все оказалось поинтереснее. Социсследование, разные демографические группы, три месяца работы. Страниц двести. Графики, цифры, все на фактах. Я читал. Марик вообще охерел.

Это он чтобы показать свою близость к Найману. Марк Найман – главный российский олигарх. Страна зовет его просто Марик. Скажешь “Марик”, и все знают, о ком говорят.

– Ну и за что, если не за бабло? Только не говори, что из антисемитизма: среди них полно русских. Есть Найман и Абрамович, а есть Поседин, Чубарков. Или Тимченко. Кавказцев много. Усманов вообще узбек.

– Морис, друг дорогой, какой антисемитизм? Это пройденный в перестройку этап народного сознания, идентификация врага по схеме “свой – чужой”. Забудь про антисемитизм. Вообще забудь про национальности. Дело намного интереснее – в глубинных слоях российского сознания. В его архетипах.

Почему образованные по верхам люди так любят вставлять некоторые слова – “архетип”, “дискурс”, “дихотомия”? Ну при чем тут архетип?! Архетип – в аналитической психологии – структурный элемент коллективного бессознательного, как его толковал Юнг в “Метаморфозах и символах либидо”. Я все-таки окончил психфак МГУ и помню материал. В народной нелюбви к олигархам бессознательному нет места. Это очень даже сознательная нелюбовь.

Дело, как рассказал Каверин, оказалось в том, что олигархов не любили за удачу. Вернее, за удачливость. Население во всех демографических группах отказывалось верить, что они заработали деньги трудом и знаниями. Талантом. Инициативой. Нет, были уверены люди, олигархи просто удачливы. Потому и олигархи. А удачливых чего любить: их ангелы берегут. Пусть они их и любят.

Вот этот миф нам и предлагалось разрушить.

– Семен, скажите, а чем им мешает нелюбовь населения? Деньги же у них из-за этого не отберут.

– Алан, друг (*теперь я тоже его друг*), это как знать. Как на это посмотреть. Там, – Каверин кивнул наверх, – тоже в курсе. Начальнику переслали копию – на всякий случай. В

администрации прочли и озаботились. Нам сейчас не нужны классовые трения. Социальная напряженность ни к чему. Сложный этап. И без того хватает проблем.

Словно бывают этапы, когда социальная напряженность и классовые трения стране необходимы. Сейчас не нужны, а вот в другое время – пожалуйста.

– Поясни, – попросил Морис. Он снова закурил, и на секунду его лицо было разрезано золотистым сладко пахнущим дымом. – В чем проблема? Ну, не любят и не любят. А когда богатых любили?

– Морис, друг дорогой, ты пойми: власть прислушивается к народу. – Каверин понял, что сказал чушь, и поправился: – Власть слушает народное настроение. Нельзя пережать. Нужно быть чуткими. У нас после Крыма сплошной кризис, а если обострятся социальные отношения, наступит пиздец.

– Он и так наступит, – заверил Морис. – Только не из-за олигархов.

– Да они там все понимают, понимают... Но и ты пойми: если людям станет совсем плохо, они начнут искать врагов. Это или власть, или Америка, или те, кто все спиздил. На оппозицию больше не свалишь. Сурковский проект с оппозицией сдох, на одном Навальном не прокатаешь. И главное, Навального трудно обвинить, что все плохо из-за него: у него-то ничего нет. Он сам их обвиняет в коррупции и воровстве. И его слушают. Все больше и больше.

– И что? – вступил я. – Власть будет вынуждена отдать на растерзание олигархов, которые ее кормят? Не поверю.

– Вы, Алан, просто недостаточно владеете информацией, – вздохнул Каверин. – На Америку, на санкции можно валить до поры до времени. В конце концов, имперский энтузиазм пройдет, и люди скажут – сами виноваты, не хуя было ссориться. На хуй нам этот Крым? Донбасс этот... Ты дяде Васе вечно не можешь объяснять, что он живет так плохо, потому что американцы ввели санкции. Значит, думать нужно было, тогда бы и не ввели.

– И вообще – Америка далеко. А олигархи – под боком. – Я начал понимать суть проблемы. – Так?

Каверин посмотрел на меня с одобрением. Пока не с уважением, но с одобрением.

– Именно. И в какой-то момент – чтобы снять напряженность – власть должна будет показать врага, из-за которого все эти дядивасины беды. А у дяди Васи этот враг уже готов в голове: удачливые парни, которые его обокрали. Не просто страну, а его лично, понимаете? Америка – хуй с ней, она абстрактная, может, и нет ее вовсе, никакой Америки. А олигархи – они здесь. Рядом. Ездят на дорогих машинах. Покупают яхты. Самолеты. Ебут красивых телок. И все это из-за их удачливости. Им поперло в перестройку и продолжает переть. А дяде Васе не прет. Он с утра горбатит на заводе, на стройке, а ему не прет. Водку жрет, а все равно не прет. И жене его не прет. И детям не прет. И не попрет никогда, если не восстановить справедливость.

– Ясно. – Морис из-за дыма: – То есть в этой ситуации власти ничего не останется, как сдать олигархов. А то дядя Вася найдет другого врага.

– Власть.

– Правильно, Алан, – вздохнул Каверин. – А то дядя Вася решит, что его враг – власть. А это уже хуево. Для всех вообще. Потому народ и возбудился. Нужно перевести стрелки. Нужно изменить отношение населения к олигархам.

– Богатые тоже плачут, – сказал я.

У меня всегда так: идеи появляются ниоткуда. Вдруг само выскакивает, и сразу все складывается в голове.

– Что вы имее...

– Подожди, Сень. – Морис знает этот момент. Он не раз за мной наблюдал. – Продолжай.

– Работаем с вводными, – сказал я. – Первое, олигархов не любят за удачливость. Второе, нужно, чтобы их перестали не любить. Значит, нужно убедить население, что никакой удач-

ливости у них нет. Что в соревновании с населением они проигрывают ему по всем статьям. Показать, как олигархам не везет. Не прет. А дяде Васе и его сыну прет. Хоть бы и на экране.

– Вернуть людям гордость. Уверенность в себе, – закивал Морис. – Перевернуть представление об удачливости и неудачливости. А неудачливых у нас любят: народ-победитель снисходителен.

Каверин кивал, стараясь понять ход наших мыслей. Мы с Морисом – как сообщающиеся сосуды: один подумал, другой сформулировал.

– А что их не любить? – спросил я. Риторически. – Им же не прет. Их ангелы не хранят. Можно и пожалеть.

Так родилось реалити-шоу **КТО ХОЧЕТ БИТЬ МИЛЛИОНЕРОВ.**

Наваждение

Моя нынешняя квартира в смоленских дворах недалеко от Плющихи – не моя. Я снимаю ее у пожилой красавицы Инессы Евгеньевны, переехавшей на дачу после смерти мужа, замминистра чего-то не очень существенного в советские времена. Евроремонт, итальянская сантехника, кухня со множеством ненужных мне агрегатов. Три комнаты. И все не мое.

Кое-что в квартире принадлежит мне: одежда, висящая во встроенных шкафах в спальне и в просторной передней с зеркалом во всю стену, два компьютера и кофе-машина *Nespresso*. Все остальное принадлежит Инессе Евгеньевне и вписано в приложение к договору аренды: “ПРЕДМЕТЫ ОБСТАНОВКИ: стулья итальянские черные лакированные с кремовыми кожаными сиденьями – 6, стол итальянский черный лакированный – 1, буфет итальянский черный лакированный со стеклянными дверцами – 1” и прочее.

Инесса Евгеньевна предпочитает лакированные вещи. Лакированные предметы обстановки. К счастью, они не блестят, а отливают ровным матовым светом, поскольку я попросил женщину, убирающую квартиру раз в неделю, никогда не натирать мебель. Блеска я бы не выдержал: в лакированном блеске есть неизбывная пошлость. А пошлости мне хватает на работе. Дома хочется без блеска.

У меня четыре комплекта постельного белья и множество полотенец. Зачем мне столько полотенец? Трудно сказать. Все это я купил в магазине “Бельпостель” на Большой Дмитровке. Название магазина отражало новое российское своеобразие: мы вроде Европа, но и не Европа. У России свой путь. Суверенная демократия. Бель-то она бель, но постель. Ирония провинциальной державности.

Начало января в Москве – пустое время: все разъехались по Таиландам, Мальдивам, Сент-Бартсам – кому что по деньгам. Я не поехал никуда и, окруженный матово светящейся мебелью, принятой под расписку от Инессы Евгеньевны (“Алан, умоляю, не ставьте горячее на лакировку!”), писал новое реалити-шоу.

Каверин прислал мне копию социсследования “За что нас не любят” вместе с составленной чьими-то юристами подпиской о неразглашении. Подписка грозила суровыми карами, но можно было обойтись и без нее: я знал, с кем имел дело. Этих людей лучше не обижать.

Концепцию я придумывать не стал, а просто смешал два типа реалити-шоу – ВИКТОРИНУ и СУРВАЙВОР. Что-то типа советского конкурса А НУ-КА, ПАРНИ! Команда народа против команды олигархов. Каждый тур задания меняются: становятся сложнее. Нужно охватить все аспекты – интеллект, знания, практическая сметка, спорт. Практические задания – поменять у машины проколотое колесо (спонсор – крупный автодилер), собрать мебель из *ИКЕА* (рекламные деньги). И обязательно – через ЛОТЕРЕЮ УДАЧИ – внести элемент везения: в конце игры обе команды ставят на кон все заработанные очки, и судьба – в виде колеса фортуны, вращаемого приглашенной медийной персоной, – решает, кто ее любимцы.

Драма, соревнование, столкновение двух миров, накал страстей. Народ выходит безвариантным и безоговорочным победителем. Но до последнего момента команды ведут в счете попеременно.

Симулякр успеха. Чем хуже реальности? Да ничем. Как и кокаин не хуже настоящего счастья. Просто действие короче. И чаще нужна новая доза.

Морис с женой уехали на Сент-Бартс, куда ездили каждый Новый год последние пять лет: нужно было поддерживать образ успешного медийного деятеля с налетом былой богемности. У него хорошо получалось.

Морис звонил каждый день. Я посылал ему написанные куски и получал его поправки. Каверин тоже звонил – неизвестно откуда – и просил прислать промежуточный материал, но я отказался. Будет готов сценарий “пилота” – пришлем.

Он заверил нас, что мы можем не беспокоиться о бюджете – “В разумных, конечно, Алан, пределах, в разумных”, и мы не беспокоились. Беспокоились о задаче. К концу каждого выпуска зрители должны были пожалеть олигархов, а те – проявить нормальные человеческие качества, и из небожителей предстать перед народом хорошими, но незадачливыми парнями. Которым – ну что поделаешь?! – не везет.

Снег до того четверга не шел вовсе, и голые черные мокрые мостовые блестели, напоминая о глобальном потеплении и рассыпанной на них соли. Вечером их заливал желтый мутный свет уличных фонарей, в котором мерцали капли городской влаги, хотя не шли ни снег, ни дождь. Москва мокла неизвестно от чего, словно решила покрыться жидким склизким налетом как защитой от наступавшей на нее ночи.

Хотелось повсюду зажечь свет и потеплее одеться. Я не делал ни того, ни другого.

В тот четверг я проснулся поздно и долго лежал с закрытыми глазами, пока не понял, что в комнате необычно светло. Я никогда не закрываю шторы, оттого что их всегда закрывал дядя Давид. И посмотрите, чем все закончилось.

В тот четверг Москву занесло. Снег лег ровно, закрыв черноту мостовых, и, встав, я как был голый пошел на балкон. Здесь все тоже покрыло мягким плотным крошевом, и минут пять я стоял в двух неглубоких ямках по щиколотку в снегу, дивясь и радуясь новому чистому миру. Снег – легкий, пушистый – продолжал кружить, засыпая город и обеляя его от всех грехов и провинностей. Я решил, что заслужил прощение, и, оставляя на полу мокрые следы, отправился принимать душ.

Я не работал весь день: сначала сидел на кухне, потом в маленькой, служившей кабинетом, комнате и смотрел в большие сталинские окна. На земле лежал снег. В воздухе кружил снег. Белые сугробы съели крыши домов, и запаркованные на улицах разномастные машины превратились в одинаковые белые холмики. Снег изменил мир и заполнил его онтологической неопределенностью, трансформировав составляющие действительность предметы в неузнаваемое, неявное. Снег отменил ясность очертаний скрытых под ним вещей, а с ней и определенность их функций. Было непонятно, что таилось под снегом, и все вокруг стало зыбким, могущим в любой момент изменить форму и предназначение, оказаться иным. Как тут работать? Никак.

Кеша Слонимский позвонил около шести вечера, и телефонная трель вывела, вызвонила меня из транса слежения за кружившей в темнеющем воздухе белой кутерьмой. Словно заводской гудок: пора вставать. За работу, товарищи!

– Алан Ашотович хочу, – попросил Кеша с нарочитым кавказским акцентом. – Алан Ашотович можно телефон говорить?

Это мы так шутим. Вроде как я настоящий армянин. И все вокруг тоже армяне. Хотя, может, так оно и есть. Кто разберет под снегом.

– Канэшна, – ответил я, как обычно отвечаю Кеше. – Это Иннакэнтый Раманавич тэлэфон звонидь, да?

– Это он, – признался Кеша обычным голосом. – Так и думал, что ты в Москве. Прилетел и думаю – Алька точно в Москве, никуда не поперся. И правильно: а то я на Мальдивах на шестой день от тоски сдох. Бросил Янку с детьми и сбежал. Работаешь?

Кеша – добрый ангел. Старше меня лет на десять, может, больше. По нему не поймешь, он не меняется. Кеша был в моей жизни всегда – дальний родственник. Никогда не мог понять с чьей стороны. Да и не важно.

– Имеются планы на вечер?

Я посмотрел за окно: там стемнело, но от снега на улицах стало светлее, чем днем.

– Так уже вечер.

– Хуйня, – заверил Кеша. – Жизнь еще не началась. Жизнь начинается после десяти вечера. До этого жизнь – подготовка к жизни. А после десяти жизнь – это и есть жизнь.

Приятно говорить с человеком, не страдающим онтологической неопределенностью. Никакой снег не затуманит ему ясное видение мира.

– Аль, я назвал на вечер кучу народа. Пока Янки нет. Ты многих знаешь – вся толпа. Девочки будут. Подъезжай, я тебя сто лет не видел. Пообщаемся.

Это неправда. Мы виделись месяца два назад на дне рождения Мориса, Кеша – его ученик. Он меня с Морисом и познакомил. Посоветовал Морису взять меня на рекламу. Спасибо, Кеша.

Я ни дня не проработал психологом. Как и многие мои однокурсники. Почему? Время было такое. Нас востребовала реклама. Там платили деньги. А за копанье в чужих душах никто не собирался платить.

– Во сколько?

– Да какая, блять, разница?! Когда приедешь, тогда приедешь. Рано не разойдемся.

Дверь Слонимских на лестничную клетку была открыта, и перед ней стояли курящие, знакомые мне люди. Кто-то с телевидения, кто-то нет. Я знал и тех, и других.

Зачем я поехал? Сидел бы дома, смотрел на падающий снег. Поздно.

Музыка, шум разговоров, галдеж. Запахи женских духов и табачного дыма. Запахи вечера в гостях.

– Арзумчик! – Кеша прижал меня к стене, и я еще раз подивился, что он совсем, ну почти совсем, не меняется. Остается таким же – брутальный брюнет с темно-кариими глазами. Кеша встряхнул меня за плечи и с кавказским акцентом объявил присутствующим: – Пришел Алан Арзумян, самый красивый из армян! – Покачал головой: – Смотреть противно.

И унесся к другим гостям. Пообщались.

Я остался один посреди гульбы. Огляделся. Увидел девушку.

Подходили знакомые и не очень, здоровались, говорили комплименты про последний эпизод КУПРИЯНОВ LIVE, ругали Путина, хвалили себя. Большинство хотело знать бюджет на выпуск, хотя и так знали. Это игра такая: я делаю вид, что не могу сказать, а они делают вид, что пытаются угадать. Хотя и так знают.

Девушек было много, в основном Кешины актрисы на эпизодах и их менее удачливые подружки. Красивые. Или красиво накрашенные. Кто разберет, когда снег засыпает мир онтологической неопределенностью?

Основной вопрос онтологии: что существует? Мир-как-он-есть. Основной вопрос этики – мир-как-он-мог-бы-быть. Мир возможного.

Я превращаю один в другой. Такое может только бог. Или сценарист реалити-шоу. Или женщина, когда хорошо накрашится.

Девушка в дальнем углу гостиной Слонимских была окружена состоявшимися и состоятельными мужчинами: два продюсера больших каналов, один просто продюсер и финансировавший сериалы банкир. Мужчины громко смеялись и говорили о себе, стараясь перебить друг друга, словно это увеличит их жизненные успехи. И шансы на успех у нее этим вечером.

Мужчины редко слушают женщин. Они рассказывают о своих жизнях. Им это интереснее.

А ей было неинтересно. Она смотрела на меня сквозь их разговоры. Я смотрел на нее.

Девушка была не красивее других, но хотелось смотреть только на нее. Смуглая – кожа-капучино. В белой, с низким вырезом, блузке с узкими рукавами три четверти, черные кудри по плечам. Она стояла на фоне окна, за которым падал крутящийся снег, и казалось, ее блузка соткана из этого снега. Казалось, она сама соткана из этого снега, проникшего сквозь стекло в теплую шумную комнату. Соткалась, показалась на миг, и в любой момент исчезнет – улетит за окно белыми пушинками.

Девушка не исчезла, а продолжала смотреть на меня зелеными миндалевидными глазами. Как у Анастасии Вертинской. Словно она только ступила в шумную, заполненную плохой музыкой и ненужными разговорами московскую гостиную из старого-престарого фильма “Человек-амфибия”. Голубые узкие джинсы с V-образным разрезом поверх коротких сапог на высоком каблуке. Бокал с нетронутым шампанским, после каждой улыбки подносимый к полным, чуть раскрытым губам.

Классика.

Я решил с ней не знакомиться. Ни к чему. Потом одно расстройство. Отвернулся, огляделся: с кем бы поговорить, перед тем как уйти. Зря приехал: этот вечер может выбить меня из рабочего состояния.

Меня тронули за плечо: девушка стояла передо мной, чуть запрокинув голову и смотря в глаза. Молча чокнулась с моим стаканом, в который был налит густой золотой ром. Молча выпили. Я наклонился и поцеловал ее в губы. Потянулась наверх и ответила на поцелуй, не обнимая меня. Я ее тоже не обнял.

– Что пьете? – спросила девушка. Провела кончиком языка по своим губам, пытаюсь по вкусу понять, что я пью.

– Алкоголь.

– Я знала, что вы не подойдете ко мне знакомиться.

Я промолчал: так и было.

– Ну, давайте, спрашивайте, как меня зовут. И все прочее.

– Как вас зовут? И все прочее.

– А вот не скажу. Теперь мучайтесь. Я – девушка-загадка.

Ей было двадцать с небольшим. И она была почти не накрашена.

Заправила волосы за ухо с одной стороны, мотнула головой. Волосы снова рассыпались, упав на лицо. Засмеялась.

Меня знобило от желания. Словно через низ живота пропустили слабый электрический ток. Я отступил на полшага, чтобы ее не обнять. Не прижать к себе.

Она заметила и все поняла. Улыбнулась уголком рта, качнула длинными черными ресницами, праздную победу.

– Арзумский! – Вихрь, ураган, торнадо по имени Кеша Слонимский. – Старик, как всегда, отхватил главный приз! Правильный выбор: будешь счастлив.

То же самое он говорил и когда увидел мою бывшую жену. И вот что получилось.

Кеша обнял девушку за талию и поцеловал ее в волосы. Она засмеялась и снова мотнула головой, будто стряхивая его поцелуй. Волосы по плечам. Черное на белом.

– Благословляю, – сообщил нам Слонимский. Мы ему были явно неинтересны. – Будьте счастливы, дети мои. Хотя бы до утра.

И умчался в туманную от табачного дыма и пустых разговоров даль.

Девушка запрокинула голову и заглянула мне в глаза, ожидая найти ответ, будем ли мы счастливы – хотя бы до утра. Поставила наполовину опустевший бокал на стол, забрала у меня стакан с ромом, поставила рядом. Сплела наши пальцы.

– Любите грецкие орехи? – спросила она.

– Люблю миндаль.

– Мин-даль, – сказала девушка очень серьезно, пробуя слово на вкус. Вздохнула: – Что же, тогда у нас есть шанс.

Медведь жил на северной оконечности острова – густо поросшей сосной и елкой некрасивой, бедной земле: суглинок. Люди здесь не селились и не ходили в его ельник. Он в этом лесу жил один и часто выходил на гранитный берег, нависавший над серой, тяжелой водой Кежа-озера, глядя на птиц, кружащих в таком же сером и тяжелом небе. Птицы его мало интересовали: он не мог их поймать и съесть.

Особо голодное время наступало весной, когда в лесу ничего не росло и рыба редко поднималась к поверхности воды ближе к берегу, отойдя на глубину холодного северного озера. Медведь просыпался в выкопанной поздней осенью берлоге под давно упавшей и сгнившей пихтой и начинал мучиться голодом – крутящийся жгучий шар в животе. Голод засасывал внутренности воронкой, и медведь рычал, царапая себя отросшими за время зимнего сна когтями, пытаясь разорвать сосущую боль. Голод утихал, будто пугался, но на деле лишь дразнил – играл с медведем, возвращаясь с новой силой, мучая, заставляя сдирать с замерзших деревьев жесткую кору и жевать ее, глотая едкую, перемешанную с древесной крошкой слюну.

Медведь рыл прячущуюся под рыхлым снегом землю, пытаясь отыскать померзшие коренья и живущих вокруг них длинных черных червей. Наглотавшись мерзлой древесины с червями, медведь шел к воде посмотреть, нет ли проталин, к которым могла подняться проснувшаяся озерная рыба. Так на остров Смирный приходила весна.

Он не помнил, как поселился на этом острове, перейдя по толстому льду с низкого берега Кежа-озера, где рос пихтовый лес с редкой тонкой березой. На большой земле его тревожили охотники, приходившие пострелять зимой зайца или лису – на шапку, а летом женщины и подростки разбредались по лесу, собирая ягоду и крепкий мелкий гриб.

Он прятался, уходя все дальше от небольшого села Горшино, где жили люди с их шумом и лаем кудлатых собак, все дальше от едкого дыма из труб на черных крышах, от затопленных поутру печей, пока однажды не прошел по гладкой замерзшей воде озера на остров Смирный. Здесь было пусто, и на скальных выступях сидели нахохлившиеся птицы.

Часто медведь выходил к воде и смотрел вдаль на низкий, словно покосившийся к озеру лес, где родился и откуда пришел. Он не помнил, что это за земля.

На острове было голодно большую часть года. Только летом вырастали ягода и гриб, и позже – осенью – узкая скользкая озерная рыба подходила совсем близко к берегу подкормиться маленькими рачками, жившими на каменистом дне, затянутом тонким слоем ила. Медведь подолгу стоял в холодной, неторопливой воде Кежа-озера и ждал рыбу. Он ловил и ел ее, сколько мог, а остальную закапывал под корнями в лесу – подгнить.

Мало кто на Смирном знал, что делят эту скудную пищу с медведем. Охрана здесь не жила, а приходила на работу с соседнего острова Поклонный, пройдя четыреста двадцать три шага по широким крепким мосткам с высокими перилами с одной стороны – держаться при ветре. После смены охранники не задерживались на Смирном и шли обратно – в свои жизни, где были семьи, разговоры о зарплатах, детский смех и привезенный из Горшина дешевый алкоголь. А постоянные жители острова видеть медведя не могли,

оттого что были заперты по камерам, как и положено осужденным на пожизненное заключение арестантам.

Ничего больше, кроме исправительной колонии ИК-1 – Единички, на Смирном не было. Даже облака в сизом, высоком озерном небе обходили ту землю стороной. Боялись, должно быть.

Эту первую страницу я написал про вологодский Пятак. Так называется одна из пяти исправительных колоний особого режима для пожизненных заключенных в России. Колония расположена в бывшем Кирилло-Новоезерском монастыре на острове Огненный – гранитной скале посреди озера Новое вблизи города Белозерска Вологодской области. Я хотел написать книгу про женщину-инспектора особой части, в чьи обязанности входит читать письма заключенных и к заключенным. Она никогда не видит “пожизненников”, но знает по этим письмам про них все.

Каждое утро она приходит с острова Поклонный на остров Смирный, и чужие жизни становятся ее жизнью, оттого что своей жизни у нее нет: ни семьи, ни любви, ни детей. Все, что у нее есть, это четыреста двадцать три шага по деревянным мосткам в чужие жизни каждое утро.

Роман должен был называться ИНСПЕКТОР.

Новый поворот

В конце января я закончил работу над первым вариантом сценария “пилота”.

“Пилотный” эпизод – первый эпизод нового шоу. Как его примет зритель, так шоу и пойдет.

Пока мы не заработали репутацию и не стали почти монополистами на рынке реалити-шоу, приходилось снимать “пилоты” на свои деньги и надеяться на одобрение их каналом и на заказ. Потеряли кучу денег, в основном заемных. Канал проверяет “пилот” на фокус-группе, посылает в рекламные агентства, пытаясь определить зрительский и коммерческий потенциал шоу. Могут и отвергнуть: тогда нужно начинать сначала.

Другое дело сейчас: мы работаем только “под заказ” – посылает каналу заявку на шоу, канал читает, присылает замечания, одобряет, подписываем договор, перечисляют деньги, работа началась. Или канал сам приходит с идеей реалити-шоу, мы выслушиваем, пару дней обкатываем ее с Морисом, посылает им заявку. Канал читает, присылает замечания, одобряет – далее по схеме.

Но Каверин попросил нас не говорить ни с одним каналом, пока мы не напишем “пилотный” эпизод и не пришлем сперва ему. А он покажет олигархам.

– Алан, друг дорогой: сначала ознакомим с продуктом народ. Народ должен возбудиться. Вот какая у нас фокус-группа.

Я закончил сценарий и послал Морису и нашему режиссеру Кате Тоцкой. На следующий день сели обсуждать в заполненном сладким дымом какао кабинете Мориса.

– Как вам двум-обоим это в голову пришло?! – возмутилась Катя. – Сейчас, побегут олигархи у вас сниматься! В очередь выстроится! Бред!

Мы переглянулись: рассказывать нельзя, но нужно было как-то объяснить реальность такого шоу. Мы без Кати не можем: она делает всю работу на площадке. Морис руководит и наводит блеск гениальными озарениями. Я пишу.

– Катюша, ты – лучшая девочка на свете... – начал Морис.

– Ой, только не надо, – сморщилась Катя. – Вы что хотите от меня услышать? Я же сказала: бред. Невыполнимо по участникам, и потому не имеет права на существование. Нет, мне просто интересно: Аля, ты с какого бодуна это все написал?!

– Катя, знаешь, я согласен с Морисом, а это редкий случай. Ты действительно лучшая девочка на свете. Самая красивая.

– Самая талантливая, – подхватил Морис. – Самая-самая...

– Ой, идите вы оба! – сказала Катя. Было видно, что ей приятно.

У Кати несчастная личная жизнь. Многолетний роман со знаменитым телеведущим. Он женат. Дети в школе. Не бросит.

Если мужчина за столько лет романа не ушел из семьи, то и не уйдет. Катя этого не видит. Не хочет видеть. И не увидит, пока не очнется. Морис прогнозирует ее просветление к сорока годам. Осталось шесть лет.

– Катя, нам нужно твое мнение о “пилоте”. Как если бы такое шоу было возможно. Ну, гипотетически.

– Морис, – наставительно сказала Катя, – гипотетически я – английская королева.

– Ты лучше, – вставил я. – Сексуальнее.

– Кто аудитория? – спросила Катя. И сама ответила: – Понятно, женщины: посмотреть на мужиков. Но у вас проблема с олигархами. Им всем за пятьдесят. И они все женаты. Интерес как начнется, так и угаснет. Особенно для нашей демгруппы – женщины пятнадцать – тридцать пять: у вас нет отношений.

– Намекнем на возникающую симпатию между одним из рабочих парней с Урала и женой олигарха: танцуют со своими супругами и глядят друг на друга – нежность во взглядах через плечо, обмениваются смс. Она начинает болеть за команду народа.

– Продолжай, – попросил Морис.

– Флешбэками – ее детство и юность в спальных районах, для нее это – возвращение в свое прошлое. Видеозвонок в студию: ее подруга детства – мать-одиночка из Урюпинска.

Мать-одиночка из Урюпинска – главный зритель реалити-шоу. И главный покупатель массовой рекламы. За размещение которой платят главные деньги.

– Не пойдет, – вздохнул Морис. – Во-первых, на хуй ей нужно возвращаться в такое прошлое? Она хочет о нем забыть. Во-вторых, это другой формат. Это – БОЛЬШОЙ БРАТ, ДОМ-2. А у нас викторина. Нельзя мешать форматы.

Замолчали. Морис прав: формат должен соблюдаться.

– А что, если не одно, а два шоу? – спросил я.

Пауза. Смотрят на меня. Я привык.

– Принц и Нищий, – сказал я. – Как бы так. Богатые тоже плачут.

Катя хотела что-то сказать, но Морис остановил:

– Продолжай.

– Делаем по формату британского *WIFE SWAP*: семьи из спальных районов и семьи олигархов. Только меняем не жен, а мужей: работяги отправляются жить на Рублевку, а буржуи – в Северное Бутово. Типа того. На неделю. Решают все семейные проблемы – походы в магазин, воспитание детей, отношения с соседями. Проблемы с женами. В общем, все.

– Ходят на работу, – продолжил Морис. – Вкальвают на заводе.

– А работяги в это время руководят компаниями, принимают решения, утрясают с Кремлем. Проводят совещания. Распоряжаются инвестициями.

– А олигархи не могут адекватно вписаться. Они смотрятся недотепами. Над ними смеется зритель. А над кем смеются, того не ненавидят.

– Формат? – спросила Катя. – Придется же британцам платить за формат. Это сколько? Какой канал согласится платить?

– Не волнуйся, – успокоил ее Морис: – Не волнуйся про деньги, с этим проблем не будет.

Катя внимательно посмотрела на Мориса. На меня. Сморщила лоб.

– У вас что, заказ? От кого?

– Мать, секрет, не можем открыться. Даже тебе.

– Клятва на крови, – признался я. – Секир-башка. – И, дурак, показал на себе.

– В чем задача? – спросила Катя. Она схватывает мгновенно. За то и держим.

– Задача простая, – пояснил я: – Удача отворачивается от олигархов и поворачивается к народу. А зритель их жалеет.

– Удача поворачивается к народу на экране, – уточнил Морис. – Пока на экране. А кто знает, что будет потом.

Катя взяла одну из морисовских сигарилл, закурила. Задумалась.

– То есть богатым не везет, и они тоже плачут? И потому их жаль?

– Плачут, – подтвердил Морис. – Только это никого не ебет.

Трудности демиурга

Моя бывшая жена решила оставить меня как-то спонтанно. Без предварительных объяснений, скандалов, выяснения отношений. Попыток их наладить. Словно знала, что пытаться не стоит. Она вообще необыкновенно умна. Много умнее меня. Я-то думал, что у нас с ней все обойдется. Лишь бы об этом не говорить.

“Не зови беду: сама придет”, – любила повторять моя мама.

Так ведь не звал, а пришла. Вот и верь взрослым.

Мы проснулись утром – в одно и то же время, как обычно. Полежали, не прикасаясь друг к другу. Затем поприкасались. Тоже, как обычно. Потом жена оперлась на локоть и долго смотрела на меня, словно пытаюсь понять, я ли это или другой.

– Алан... – Жена звала меня Алан и никогда никакими ласкательно-уменьшительными именами. – Наш брак не работает. Я люблю тебя и только тебя, но так жить нельзя: мы живем вроде вместе, а вроде и нет. Живем как-то... друг мимо друга. Делим пространство. Я так жить не могу.

Я молчал. Она была права. С очевидным спорить бесполезно. Его можно или признать, или не замечать. Если не можешь его изменить. Мы не могли.

Удивительно: создаю новую реальность на экране, пишу чужие жизни, но не смог наладить свою. Создать устраивающую нас обоих реальность в самой реальности.

– Я поменяюсь, – пообещал я. – Скажи, каким ты хочешь, чтобы я был.

Вроде как в ней меня все устраивает. Хоть это было и не так. Но я мог потерпеть: прожили же вместе шесть лет.

У нее сегодня зрачки – будто большие капли меда. Шарики меда. А вокруг оливковые ободки. У нее цвет глаз меняется каждый день. Иногда по несколько раз за день.

Наклонилась, накрыла водопадом волос. Провела по моим губам языком. И отстранилась.

– Не нужно меняться. Я люблю тебя таким, какой есть. Другой мне не нужен.

– Тебе и такой, судя по всему, не нужен. Раз ты хочешь расстаться.

– Такой нужен, – засмеялась моя жена. – Только жить с тобой не могу. Могу быть твоим другом. Или любовницей. Если хочешь – одной из. Ты же знаешь, я не ревнива.

Так и остались: друзья-любовники. Самые близкие на свете люди. Только жить вместе не можем.

Я закончил сценарии обоих “пилотов” в начале марта и послал их Морису. Он внес поправки, и мы отослали тексты Каверину. Вернулись к своей жизни: три шоу в запуске, подстегивание каналов, никогда вовремя не переводящих деньги, и закапризничавший Куприянов. Рутинка и будни. Снег за окном.

Москва в те дни жила пробками, снегоуборщиками на дорогах и спасавшими город среднеазиатскими дворниками, расчищавшими тротуары и удобрявшими их солью, словно они надеялись, что тогда по весне из мостовых прорастет хлопок. Пока же белый, как хлопок, снег шел каждый день, обычно начиная кружить вечером, будто с наступлением темноты кто-то подавал сигнал. Может, и подавал.

Каверин позвонил Морису через неделю – радостный, энергичный. Как обычно, рано утром. Когда в нашей индустрии никто никому не звонит.

– Морис, друг дорогой, не разбудил? – И не давая ответить: – Вот и хорошо, вот и хорошо... Сам знаешь, кто рано встает... – Посмеялся, затем серьезно: – Относительно шоу: народ прочел и возбудился. Можно запускать.

Морис два раза моргнул – чтобы проснуться.

– Какое из них? Мы вам послали два – на выбор.

– Что значит – какое из них? – удивился Каверин. – Два послали, два и запускаем. Оба. Присылай контракт, подредактируем, подпишем, переведем деньги и вперед.

– Сеня... – Морис окончательно проснулся. – Ты прочел “пилоты”?

– Дважды, – подтвердил Каверин. – Помню наизусть.

– Тогда ты, возможно, заметил, что предполагается участие реальных олигархов. Не актеров, а реальных людей, которых знает вся страна. Они готовы на это пойти? Сниматься? Конкурировать с парнями с Урала? Переехать на неделю в блочный дом в Гольянове и жить с чужой семьей? Или пустить какого-то Васю в свой дом? К своей жене? К детям? Это же вся страна будет смотреть.

– Решаемо, – заверил его Каверин. – По этому поводу имеются идеи. Обсудим при встрече. Сейчас главное подписать контракт и начать выстраивать структуру обоих шоу. Чем быстрее, тем лучше. Сам знаешь: хуй железо...

Засмеялся.

Морис молчал. Думал, почему они так спешат: их же не любили много лет, и ничего – клали они на эту нелюбовь. Что происходит сейчас?

– Еще вопросы есть? Вопросов нет, – засмеялся Каверин. – Жду контракт. И обозначь день встречи. У вас в офисе, чтобы Алан твой тоже присутствовал. Все. Обнял.

День-день.

Семен Каверин – радостный, красивый, небрежно элегантный – ворвался в наш офис в девять утра: он предлагал встретиться в восемь, но Морис категорически отказался. Каверин вздохнул и согласился на девять.

Завтракать Каверин отказался:

– Я уже давно позавтракал. У меня вообще к этому времени обычно третья встреча заканчивается.

Я пил горький кофе, Морис чай с чабрецом.

Каверин вещал:

– По викторине **КТО ХОЧЕТ БИТЬ МИЛЛИОНЕРОВ** – вопросов нет: выделяем четырех человек – не самых первых, не из первой десятки списка Форбса, но все миллиардеры, молодые ребята, технари, умницы, спортсмены, и вперед. А вот по шоу **ПРИНЦ И НИЩИЙ** имеются следующие условия...

Он сделал паузу – для пущего эффекта. Посмотрел на Мориса. На меня. Мы ждали.

– Условие первое: ставите меня в титры как генпродюсера. Как, кстати, и в первом шоу. Условие второе: **ПРИНЦ И НИЩИЙ** нужно переименовать. Нищий – оскорбительно, принижает участников с другой стороны. Условие третье: шоу формально остается реалити-шоу, но в действительности будет театрализовано.

– Это что значит?

– А то, Алан, друг дорогой, и значит, – пояснил Каверин: – Те-а-тра-ли-зо-ва-но. Построим в павильоне декорации трех квартир в спальнях районах, возьмем никому не известных людей на роли гегемона и вперед. С песнями и плясками.

– Поясни, – попросил Морис. – Нам, дуракам. Неясно.

– Что тут неясного? – удивился Каверин. – Вы хотели настоящих олигархов? Будут вам настоящие олигархи, которые отправятся на неделю в семьи работяг. А вот семьи эти будут ненастоящие, и живут они в съемочном павильоне. Мужики-работяги – тоже ненастоящие – отправляются в реальные дома олигархов. К их реальным семьям. Ситуация под контролем. Теперь ясно?

– А как же натура? Поход в магазин? Дети?

– Алан, ну что вы из всего делаете проблему? Нужно в магазин – идут в магазин. Безопасность обеспечат – у них для этого имеются специально обученные люди. Которым за это платят специальные деньги. Закроем магазин на съемочный день. Или построим магазин в павильоне. Не вопрос. С детьми тоже решим: детей подберем. Ваше дело – сценарии эпизодов, диалоги, зрительский интерес. И не забывать о задаче: сочувствие того народа к нашему народу.

Мы молчали. Не ожидали такого поворота. Думали, олигархи просто откажутся от ПРИНЦА И НИЩЕГО: много рисков, публичность, неконтролируемые ситуации. А они взяли и решили проблему. Обеспечили контроль над ситуацией. Потому они и олигархи: кроют реальность под себя.

Это они оказались демиурги. А не мы.

– Сеня, – сказал Морис, – люди эти ваши... а вдруг они потом проговорятся? Начнут болтать, давать интервью. Представляешь, какой скандал?

Каверин как-то особенно внимательно посмотрел на Мориса, словно раньше не видел. Вздыхнул: ну как объяснишь ребенку мир взрослых?

– Не проговорятся. Для этого существует система поощрений и наказаний. – Обвел глазами комнату. Многозначительно: – Которая, кстати, распространяется и на присутствующих.

Это показать нам, кто теперь хозяин.

– А дети? – спросил я. Чтобы как-то снять сгустившееся под потолком напряжение.

– Алан, Алан, – засмеялся Каверин, радуясь, что я дал ему возможность не идти на открытый конфликт: – Это сын за отца не отвечает. А вот отец за сына даже очень. Понимаете? Родители должны будут заботиться, чтобы их дети не болтали лишнее. – Посмотрел на часы: – На то они и родители – детей воспитывать. И вообще об этом не волнуйтесь. Это наша забота.

То есть он сам как бы один из олигархов и решает проблемы по-ихнему. О чем нам следует помнить.

Морис молчал, глядя куда-то мимо Каверина. Я смотрел в окно: там было пусто. Воздух и воздух. И далеко внизу маленькая Москва, заполненная невидными с такой высоты маленькими людьми.

– Сеня, – нарушил паузу Морис, – тогда, может, еще одно шоу запустим? ОХОТА НА ОЛИГАРХА. Кремль выделяет одного олигарха в год, и народ на него охотится – по-настоящему. В пустых зданиях. В лесу. В полях. На огородах. И потом его заваливают. Тоже по-настоящему. Хороводы вокруг костра, труп буржуя на вертеле. Народный хор у березовой рощи. Звон колоколов. Рейтинги обеспечены.

Это была шутка, чтобы разрядить заполнившее комнату молчание.

– Для такого шоу мы Кремлю не нужны, – серьезно сказал Каверин: – Они сами в это играют.

66

Кто сказал две шестерки – плохо? Вроде никто.

Три – другое дело: Число Зверя. Впрочем, зачем Зверю Число?

Выехали затемно – пока блокпосты по дороге на аэродром не загружены. На обычной машине, без номеров ФСБ: не привлекать внимание. Последнее время новороссы активизировались на этом направлении: поставили две батареи, захваченные под Воронежем, иногда постреливают по примосковским трассам, но так – большие для порядка. Перемирие пока держится, однако все понимают: весной Голодач перейдет в наступление, и новоросская армия войдет в Мытищи. А Мытищи – ключ к Москве.

Нынешняя зима – бесснежная. И хорошо.

Широков злился, что забыл сигареты. Шофер не курил, с трассы съезжать нельзя, оттого что многие съезды заминированы староросской

армией, когда отступали после потери Балашихи. Глупо подрываться на своих минах, да еще офицеру ФСБ.

Подрываться – вообще глупо. В том числе гражданским.

Они проехали еще один блокпост и свернули с основной трассы в сторону военного аэродрома. Отсюда до въезда в Монино тянулась проволока по обеим сторонам дороги. Широкову казалось, что в полутьме январского утра проволока искрила: по ней шел ток высокого напряжения. Он знал, что ему это кажется.

Слева – далеко – из рваного тумана выплыла хмурая от утренней стужи деревня с дымка́ми над трубами, торчащими на худых крышах. В редких избах горел свет – желтоватые отблески сквозь замерзшие окна.

Деревня скоро пропала, с ней пропала и чужая ранняя жизнь. Вокруг темнели холодные зимние поля, окаймленные сквозным голым лесом. Лес тот стоял пустой. Звери ушли: голодно, и война кругом.

Родина.

Лет семь назад, когда большая война только разгоралась на юге, Широков ездил в отпуск на Ладогу, где местные, подвыпив, еще звали страну Россией. Широков запомнил тот отпуск, оттого что много рыбачил и много спал. Он подолгу сидел в мелко покачивающейся лодке метрах в ста от поросшего тонким кустарником глинистого берега, закинув удочку с грузилом в темную воду, и спал. Все равно ничего не ловилось.

Теперь на Ладогу не поедешь: это Финляндия. Путинбург еще наш. Да Москва пока держится. До весны.

Черная толстая металлическая папка для документов с гербом России и вытисненными золотом буквами ФСБ съехала на повороте с кожаного сиденья. Широков еле успел ее поймать. Он положил папку на колени и прижал ладонью, ощутив цифровой замок на торце – закрыт ли. Внутри хранилась еще одна папка – старая, бумажная, с потрепанными тесемками и аккуратно выведенным синими чернилами названием досье – бб.

Широков прочел досье трижды, выучив особо важные места наизусть: генерал Конюхов запретил делать какие-либо заметки по материалу, особенно в электронном виде.

В компьютер, считал Конюхов, всегда кто-то может забраться. А досье бб не могло попасть ни в чьи руки. И никто, кроме Широкова, не должен был его видеть.

Над въездом в аэродром, перед которым стояли БТРы охраны, было написано полусмытой дождями бурой краской: “Староросская Держава – святая русская земля!”.

Кто б спорил?

Еще одна из моего собрания первых страниц. Хотел написать роман о войне между Новороссией и Россией. Как Кремль сдал Новороссию, договорившись о снятии санкций, и новоросское руководство, поняв, что терять нечего, кинуло клич российским братьям и сестрам: в Кремле – предатели русского мира! Вы не пришли к нам, мы идем к вам! Присоединяйтесь! За святую Русь! За лучшую долю для всех! И все такое прочее.

Русь откликнулась: полки добровольцев и части регулярной армии присоединились к новоросскому ополчению по мере продвижения на север страны. Кавказ отвалился и переименовался в КИС – Кавказский Исламский Султанат от Каспийского до Черного моря под правлением султана Рамзана. Урал объявил суверенитет – Суверенная Уральская Республика – СУР: “Здесь живут СУРовые люди”.

Россия рушится, и потерявшиеся в гражданской войне люди не знают, куда податься и с кем быть.

И спасти Россию не может никто, кроме офицера службы державной безопасности Алексея Широкова.

Роман должен был называться МЕРЦАНИЕ.

Неестественный отбор

Той ночью я не сразу понял, что проснулся: сон – снежный туман – стоял во мне, заполнив белыми кружащимися звездочками мир внутри и снаружи. Соткав мир из снежинок, как снег соткал ее белую блузку с рукавами три четверти, да и ее саму.

Эта блузка белела на коврике перед кроватью – еле видимая в темноте, и только контраст с нашей разбросанной, впопыхах снятой друг с друга, одеждой позволял разглядеть ее бело-снежность. Шторы были открыты, в окна летел снег, залепляя стекла, просясь внутрь, словно замерз и хотел в тепло.

Девушка, обняв колени, сидела рядом и смотрела в окно. Было видно ее длинную голую спину и полуокружность левой груди. Я вспомнил ощущение от этой груди в своей ладони, и мне стало жарко. Словно поймал маленького зверька из шелка и накрыл рукой. Щекотность соска.

Она почувствовала, что я проснулся, и повернулась ко мне. Мы долго смотрели друг другу в глаза – без слов. Мы и до этого не много разговаривали.

Девушка заплела разметавшиеся по плечам и спине волосы в косу и перекинула ее на грудь. Отвернулась от меня к окну, за которым летел и летел бьющий в стекло снег. Теперь она сидела прямо, и ложбинка позвоночника посреди спины темнела, звала как приглашение. Я поднял руку и провел указательным и средним пальцами по этой ложбинке – от шеи до копчика. Медленно-медленно. Затем наверх – по покрывшим кожу мурашкам. Она выгнулась, запрокинув голову. Повернулась ко мне.

Потом мы долго лежали с открытыми глазами, не разговаривая, не касаясь друг друга, встречая серый рассвет. Было слышно, как предметы в квартире живут своей жизнью: поскрипывали половицы, вздыхали батареи и вдруг принимался дробно стучать холодильник. Раньше я не слышал звуков своего жилья. Раньше у меня внутри не было столько тишины.

За окном дворники принялись соскребать снег с тротуара во дворе: людям скоро вставать на работу. Я закрыл глаза, и снег закружил, завертел белым конфетти, освещая темноту под смеженными веками. Я решил не спать.

Когда – через мгновение, заполненное обрывками неслучившегося, – я открыл глаза, в комнате и за окном стоял поздний тусклый московский свет. По плотной тишине в квартире я сразу понял, что один. Она ушла, не оставив ни записки, ни подсказки, как найти ее в затерявшемся в снегу городе. Словно ее и не было со мной.

Но она была: моя подушка пахла свежестью ее волос.

Мы принялись за два новых шоу. Первый этап – отобрать участников от народа. Социальный дарвинизм в действии. Выживание нужнейших – по назначенным мною критериям.

Как сказал Каверин: их народ и наш народ. А с кем вы, мастера культуры?

С “нашим народом” – олигархами – мы выбирать не могли. Взяли кого дали. Кроме того, в этом была логика. Мы же отбираем тех, КТО ХОЧЕТ БИТЬ МИЛЛИОНЕРОВ, а миллионеры – вот они: ждут не дождутся, стоят, переминаются в ожидания битья.

Для викторины было нужно четыре человека до сорока пяти лет, их мы и получили: два хайтековца, большой московский девелопер и владелец сети мобильной связи.

Парней с Урала (что-то сродни матери-одиночке из Урюпинска) мы отбирали сами. Критерии понятны: типичная среднероссийская внешность, ясные профессии, спортивность, один – с мусульманским именем, но не кавказец, татарин или башкир, и все они из разных мест необъятной родины. И лучше неженатые. А вот трое из четырех олигархов были женаты.

Олигархи оказались простыми и непритязательными ребятами, и, что важно, лишь один был евреем. Причем с неярко выраженной этничностью на лице. Большая удача.

– Правильно ли мы поняли, – спросил этот олигарх Антон Кляйнберг на установочной встрече, организованной Кавериним у нас в офисе, – что мы не играем в поддавки. Что мы играем по-честному.

– И по-честному проигрываем, – вставил Николай Гнатюк.

Гнатюк – российский Безос – владелец крупнейшей онлайн-компании доставок в России. Крепко сбитый, накачанный до культуричности, с гладко выбритым черепом. Пышущий брутальностью. Единственный неженатый буржуй. Герой светской хроники и шумных романов с героинями шоу-бизнеса. Это неплохо: каждой женщине хочется приручить дикого зверя. Хотя бы в фантазиях.

– Коля, Коля, – тут же влез показать свою близость Каверин, – без цинизма, друг дорогой, без цинизма, пожалуйста. Мы же говорили об этом сто раз: мы все знаем, для чего эта хуйня заваривается. Ты же читал социсследование: нужно исправлять статистику.

Гнатюк удивленно посмотрел на Каверина. То ли не знал, то ли не помнил, кто это.

Нужно было тактично выйти из положения.

– Николай, вы совершенно правы. – Низкий, театрально-поставленный баритон Мориса заволок комнату чем-то плотным, окутал и осадил поднявшееся было недовольство Гнатюка: – Проигрывать нужно по-честному. Но и играть нужно по-честному. Задача, чтобы и то, и другое выглядело на экране натурально. Убедительно выглядело.

– Помните, – подхватил я, – вы проигрываете не потому, что вы хуже – глупее, менее образованны, не такие ловкие или сильные, а потому, что вам не везет. Вся эта, как изволил выразиться Семен Михайлович Каверин – я дал ему имя, чтобы Гнатюк вспомнил, кто это такой, – вся эта хуйня заваривается только для одного: показать, что и вам – королям жизни – может не везти. А поскольку ваш статус и достижения народ ассоциирует исключительно с удачей, стало быть, если вам не везет, то повезти может им. Когда-нибудь.

– Пока на экране, – примостился к разговору Каверин. – А потом, кто знает... Нужно, чтобы они так думали.

– Ясно, – со слышным акцентом – детство в британских школах-интернатах, – согласился хайтековец Максим Строков. – Иллюзия квантового потенциала.

– Что? – не понял Каверин.

– Ну, помните, – оживился Гнатюк, – согласно квантовой теории Планка, элементарная частица, пока ее не замерят, находится в потенциальном состоянии – в корпускулярном и волновом одновременно, то есть может быть и той, и другой. Так и ваши зрители, пока смотрят шоу, могут быть всем, чем хотят.

Мы не помнили. И нашим олигархам это было очевидно.

– Ну, как кот Шредингера... – Гнатюк развел руками, будто это могло нам помочь. – Кота заперли в черном ящике, куда поставили блюдечко с ядом, и, пока мы этот ящик не откроем, не знаем, отравился кот или нет. Жив он или мертв. Определенность состояния возможна только при акте обозрения.

Мы молчали. Даже переглянуться не хотелось.

– Так называемый корпускулярно-волновой дуализм, – взялся просветить нас девелопер Покровский. Посмотрел на наши лица: – Принцип неопределенности Гейзенберга, волны де Бройля?

Мне нравился Покровский. Из всех четверых он был самый нетипичный молодой олигарх – рано полысевший, чуть мешковатый, с круглым лицом, оспинами на щеках. Одень такого с вещевого рынка, выпусти во двор хрущевки, никто и не взглянет: свой. И вот поди ж ты – принцип неопределенности. Откуда что берется?

Олигархи глядели на нас. Выжидающе. Хотя по нашим лицам было все понятно.

– Валя, – развел руками Кляйнберг, решив прийти нам на помощь: – Не перегружай, а то даже мне трудно: я в отличие от вас всех Физтех не заканчивал. Я Бауманку заканчивал.

– Я тоже не Физтех, – признался Строков: – Я – Кембридж. Тринити колледж.
Мы переглянулись: катастрофа. Они были не готовы к выходу на экран. Не готовы оказаться лицом к народу.

– Друзья! – громко сказал Морис.

Все смотрели на него. Морис выдержал паузу, собрал внимание.

– Друзья, – повторил Морис, давая слову закрепиться, повиснуть в воздухе, чтобы наши миллионеры-миллиардеры осознали: мы – с ними. По одну сторону баррикад. Затем отдельно, чеканя слова: – Никогда. Не говорите. Ничего подобного. На камеру.

Он замолчал, обвел взглядом притихших, словно нашкодивших детей, олигархов.

– Ничего о квантовой физике. Никаких теорий. Никаких умничаний. Вы – простые парни, которые тяжело вкалывали, чтобы заработать свое бабло. Оно вам досталось не потому, что вы умные и образованные, а ваши оппоненты нет, а потому, что вы горбили от зари до зари. Вставали поутру – и в поле. За плуг.

– К мартеновской печи, – добавил я. – По две смены на-гора.

– На-гора – это шахтеры, а не металлурги, – вставил Кляйнберг. Понял, что было не нужно, и решил оправдаться: – Это я для точности.

– Не нужно, – отрезал Морис. – Не нужно для точности. И точности не нужно.

– А что нужно? – спросил Гнатюк. – Чтобы быть своими парнями? Которым не везет?

– Морис, друг дорогой, а я с тобой не согласен, – неожиданно вмешался Каверин. – Я считаю, что хотя бы один из наших коллег – *коллег? наших?* – может стать именно этаким сверхумным и сверхобразованным персонажем, этакой живой энциклопедией. Подумай про своеобразное очарование такого образа. Но только один, – поспешил пояснить Каверин, – только один.

Мы переглянулись.

Морис отпил ромашковый чай. Я отхлебнул холодный кофе и поморщился. Снова переглянулись: Каверин был прав, это могло сработать.

На роль умного выбрали Максима Строкова. Все равно он говорил с акцентом и не сошел бы за своего. А нам нужны свои олигархи.

Оставшись одни, мы долго молчали. Морис курил пахнущие какао сигариллы, а я смотрел, как вкусный дым тает в комнате, наполняя ее чем-то, что только что было, а теперь улетучилось, оставив память о случившемся.

– Кот Шредингера, – наконец сказал Морис. – Кот Шредингера.

Я молчал. Ждал, что дальше.

– Знаешь, Аль, чего эти ребята не понимают про кота Шредингера?

Я не знал.

– Кот Шредингера всегда мертв, – вздохнул Морис. – Можно и не открывать черный ящик.

Павильон

Викторина – легкий жанр для съемки: в студии выстраиваются красивые декорации. Вся аппаратура – свет, рельсы для камер, пульта – уже стоит. Если, как у нас, викторина с элементами СУРВАЙВОР, подбираем объекты для природы – гоночные треки для автогонок, полоса препятствий. Мудрить здесь ни к чему: все как обычно. Кроме участников.

С рекламой для викторины КТО ХОЧЕТ БИТЬ МИЛЛИОНЕРОВ все тоже было ясно: стандартный набор – магазины спорттоваров для брендовой спортодежды, большие хозяйственные, как “Леруа Мерлен”, для конкурса на практические задания – разобраться в наборе инструментов, починить проводку и т. д., автодилеры для гонок на машинах и их починки под руководством механиков в комбинезонах с дилерским лого. Придумывать здесь было нечего; мы и не придумывали.

Проблема была со вторым реалисти-шоу. Мы думали, как засунуть туда скрытую (и не очень) рекламу: первая идея, конечно, бренды одежды, которую покупают жены олигархов. Затем – машины олигархов. Одежда детей олигархов. Спонсорские деньги от магазинов, где закупаются семьи олигархов. Концентрировались на олигархах: в жизни работяг рекламировать было особо нечего.

Была проблема: мы не знали, ни что олигархи носят, ни на чем ездят, ни во что одевают детей, поскольку нас не допускали на съемочные объекты – в их дома. Что было неверно и непрофессионально.

– Морис, друг дорогой, – убаюкивал нас Каверин по громкой связи, – Алан, вы тоже – что тоже? – Не нужна нам никакая реклама. И спонсорство не нужно. Сами обойдемся.

– Сеня, ты или не соображаешь, или не хочешь соображать! – злился Морис. – Я в телевидении тридцать лет скоро: ни один канал не возьмет шоу без внятной рекламы. Они же должны деньги зарабатывать.

– Рейтинги будут сумасшедшие, – возражал Каверин. – Драться будут, кому это шоу достанется.

– Сеня, ты что – правда не понимаешь, как ящик работает? Рейтинги нужны только для одного: назначить цену на рекламу! На хуй они нужны сами по себе?!

И так по кругу.

Пока однажды утром Каверин не приехал к нам в офис и, войдя в кабинет Мориса, с порога, не сев и не поздоровавшись, сказал неожиданно жестко и окончательно:

– Морис. Слушай. Внимательно. Никакой рекламы. В нашем шоу. Не будет.

Мы и не знали, что он умеет говорить так... доходчиво.

Морис молчал, глядя в точку, где потолок встречается со стеной. Каверин повернулся и тоже посмотрел в эту точку, словно оттуда могло – само по себе – возникнуть возражение. Не возникло.

– Семен... – Нужно было заполнить затянувшуюся паузу. – Скажите, пожалуйста, как нам уговорить каналы взять передачу без рекламы. – Я улыбался, чтобы показать: это просьба о помощи, а не конфронтация.

– Уговаривать никого не нужно, – так же окончательно сказал Каверин. – Сами прибудут. И вышел, не попрощавшись.

Второй проблемой стал выбор павильона: Каверин неожиданно объявил, что нам покажут павильон для съемок, в котором будут построены квартиры работяг. Мы удивились: думали, что, как обычно, арендуем павильоны на Мосфильме. А природу доснимем на объектах.

– Нет, нельзя, – пояснил Каверин: – Есть риск, что информация просочится. Павильон же – это, по сути, огромная пустая площадка. Такая у нас имеется.

У нас. Важно, как он это подает, я – один из них. Из тех, у кого имеются свои павильоны.
– Сеня, а свет, а камеры, а подключки? – возмутился Морис. – Это же не просто пол и стены. У нас же спецификации. Настоящий павильон оснащен съемочным оборудованием.

– Понимаю, понимаю, Морис, друг дорогой, – согласился Каверин. – Перечисли, пожалуйста.

Он достал большой черный телефон, открыл ЗАМЕТКИ и приготовился записывать.

Мы посмотрели на Катю Тоцкую. Катя затянулась, выпустила дым. Каверин поморщился.

– Так, – сказала Катя: – Общая площадь – не меньше шестисот квадратных метров. Потом три гримерки по четыре поста каждая, зона для продакшена не меньше трехсот метров...

– Зачем гримерки? – не понял Каверин. – У нас же реалити-шоу.

– Это у зрителя реалити-шоу, а мне снимать.

– Декораторская, – подсказал Морис. – Зона для отдыха участников.

– Режиссерские пульта не забудьте, – вставил я. Хотелось показать свой профессионализм.

– Не забудем, – пообещала Катя. – Но главное – камеры. Семен Михайлович, мы же должны будем все это пространство нашпиговать камерами и вывести изображение и звук на экраны, перед которыми сидят логгеры.

– Логгеры? – переспросил Каверин.

Он посмотрел на Мориса в поисках объяснения.

– Логгеры, – подтвердил Морис. – Логгеры отсматривают каждый кадр снятого материала и ставят на них теги: 17 апреля, 19.00, квартира Кавериных, спальня: Семен Михайлович ссорится с женой. Грубые слова. Жена плачет.

– Я не ссорюсь, – зачем-то сказал Каверин. Было понятно, что ссорится. – С чего ей плакать?

– Ссорится с женой, которая узнает, что он ебет всех подряд, – с удовольствием добавил Морис. – Конец тега.

– И потом по этим тегам режиссер вместе с продюсером собирают шоу, – закончила Катя. – Рассказывают историю.

– Видишь, – со снисходительностью взрослого, объяснившего ребенку его ошибку, закончил Морис. – Не просто. – Он покачал головой: – А ты говоришь – огромная пустая площадка. Нет, – сказал Морис убежденно: – Не просто.

– Не просто, – согласился Каверин. – Катя, пришлите, пожалуйста, моим девочкам список необходимого оборудования и количество камер на каждую комнату. – Каверин поднялся, посмотрел на часы. – Нам нужен месяц, чтобы все установить и оборудовать. Мебель отберем позже.

– Месяц? – засмеялся Морис. – Да у вас месяц уйдет, только чтобы все это заказать. – Он покачал головой, развеивая плывущий в сторону приоткрытого по случаю теплой погоды дым. – Месяц?!

В Москве светило солнце, обещая скорую весну. На крышах уже чуть подтаивало, и на тротуарах под карнизами высоких домов стояли ограждения: “Не ходить. Сосульки”.

Я не ходил.

– Месяц, – подтвердил Каверин. – Через месяц все будет готово. – Все будет, – повторил он, заверяя то ли нас, то ли себя. – А чего не будет, довезем.

Когда он ушел, мы долго сидели и молчали. Морис курил.

– Он парень неплохой, – сказал Морис. – В общем. Изменился, конечно, после смерти ребенка. Дочка, кажется.

– Дочка умерла? – переспросил я.

– Кажется, – Морис потушил сигарету. – Точно не помню. Это ж было уже лет двадцать назад. Или больше.
Я кивнул.

Перламутровые пуговицы

Девушка ушла, оставив во мне черную дыру, куда теперь выливалась радость существования. Будто дырявый кувшин: сколько ни лей, не наполнишь.

Прошло две недели, началась третья, а я все ворочался по ночам в постели один, вспоминая, переживая заново ночь, когда был не один. Когда мы пытались увидеть в темноте комнаты, освещенной падающим за окном снегом, чужие глаза и услышать чужие мысли.

В середине третьей недели я не выдержал и позвонил Слонимскому.

– Вах-вах-вах! – закричал в трубку Кеша. – Кето нам званыт? Алан Ашотович званыт!

– Кеша, – наставительно сказал я, – вах-вах – это грузинское, а не армянское междометие.

Значение контекстуальное, выражается интонацией.

– Зануда, – грустно вздохнул Слонимский. – Теперь я понимаю, почему от тебя ушла жена. И ты до сих пор один.

Это был хороший момент перевести разговор на нужную мне тему.

– Кстати, про до сих пор один: помнишь девушку, которую я встретил у тебя на вечере?

Брюнетка?

Кеша задумался: он не помнил.

– Арзумский, – запел Кеша, – так много девушек хороших... что всех упомянуть не могу.

Отличительные признаки, пожалуйста.

Тут задумался я: какие у нее были отличительные признаки? То есть были, но о них я решил Кеше не сообщать.

– Брюнетка. Красивая. Зеленые глаза.

– Количество глаз уточните, пожалуйста, мужчина, – развлекался Слонимский. – Включим в розыскное объявление.

Его все это явно забавляло. Он послушал мое молчание и перестал шутить.

– Аланян, погоди: зачем она тебе? Других полно. Хочешь, сегодня позовем двух таких... – Он потерял слова. Вздохнул: – Лучше завтра – Янка с детьми на дачу поедет.

– Не хочу, – признался я.

Помолчали.

– Так, – сказал Слонимский. – Ситуация ясна: Ларису Ивановну хочу. Да?

– Да, – признался я. Самому себе.

– То есть такой же, но без перламутровых пуговиц не пойдет? – еще раз попытался Слонимский. – Нужен с перламутровыми?

– С перламутровыми.

– Будем искать, – пообещал Кеша. И серьезно: – Ну, почему у тебя всегда все непросто?! Знал бы сам.

– Понимаешь, я пригласил шестерых девушек, они привели подружек. Я спрошу тех, кого пригласил, возможно, они подскажут. Как зовут незнакомку?

Я не знал. Мы почти не разговаривали в ту ночь. То есть разговаривали, но не словами, будто решили, что слова – наносное, и мы хотим узнать друг друга без слов. Без имен, данных нам другими людьми. Нашей единственной защитой от мира был не кокон слов и имен, данных нам другими, а наша голая кожа. Кожей мы друг друга и узнавали.

Как сказать Кеше, что не знаю имени девушки, с которой провел ночь? Впрочем, ему неизвестно, провел ли я с ней ночь. Пусть это останется ему неизвестным.

– Не знаю.

– Что? – не понял Слонимский. – Ты не спросил ее имени? Ты с ней переспал и не спросил ее имени? – Он зашелся от восторга: – Ну, Арзумыч, это – даже для тебя – пиздец!

– Почему ты думаешь, что я с ней переспал?

– Вот только не надо! – сказал Кеша. – Я с тобой всю жизнь знаком.

За мной еще со школьных времен закрепились репутация бабника. Совершенно незаслуженно. Люди судят по внешности. Мужчины, кстати, больше, чем женщины. Красивый, значит, на него все вешаются. Не вешаются. Или не все. И обычно не те, кто нужен.

– Узнай, что можешь, пожалуйста, – попросил я.

– Узнаю, – пообещал Слонимский. – Я же сказал: будем искать.

Весна окончательно заняла, затопила пока боязливым теплом город, и мы с Морисом скатились в привычный ритм становления нового шоу: подбор участников и их подготовка к съемкам, пробы, работа с художниками-сценографами, костюмы, музыка, словом, жизнь наша приобрела то лихорадочное кипение, называемое на телевидении коротко и емко – запуск. Так и говорят: мы в запуске. То есть запускаем новую программу. Как космический корабль. Десять, девять, восемь... поехали!

На роль ведущей мы утвердили известную модель и медийную знаменитость Леру Звягинцеву, понимая, что нужно захватить и мужскую аудиторию. С Лерой, постоянно откидывающей назад длинные, хорошо выкрашенные в золотой цвет волосы, с Лерой, смотрящей в камеру невозможно синими от линз глазами, чуть приоткрыв губы, чтобы можно было видеть кончик влажного розового языка, зрителю было особенно легко представлять себя “простыми парнями”, которые оказались лучше олигархов. Или, наоборот, “непростыми парнями”, потому что у них – и только у них – был шанс на настоящий успех – успех у Леры.

Мы предупредили Леру, что она не может заводить с участниками-олигархами романы. Во-первых, трое из них женаты, во-вторых, сразу выйдет наружу и начнется скандал. Для рейтингов неплохо, но канал шоу прикроет. И главное, она потеряет в глазах мужской аудитории привлекательность. Пока одна, она – предмет фантазий, потенциальный, хоть и недостижимый, приз. Каждый зритель может о ней мечтать и считать своей.

Узнав фамилии олигархов, Лера покачала головой:

– Покровский? Валя Покровский?

– Так, – заполошился Морис. – Ты не можешь...

– Не волнуйтесь, Морис Асафович, – улыбнулась Лера. – Валя – пройденный этап. Задумалась. – Пролетевший. Быстро-быстро.

Вот и тихоня, рано полысевший девелопер Покровский. Кто бы мог подумать?! Не я.

Правильно, что не стал психологом. Пришлось бы искать реальные мотивации человеческого поведения. А так я сам их придумываю – и мотивации, и поведение. Как захочу. Как мне привиделось.

Трудно быть богом. Одно утешает: быть не богом еще труднее.

Слонимский перезвонил через два дня – веселый, рокошующий, щекошующий голос в телефоне:

– Арзумский, тебе удобно сейчас? Не отрываю?

Отрывал, но я был готов оторваться.

– Смотри, я допросил всех девочек, причем одну из них вчера вечером лично, с пристрастием, – захохотал Слонимский. Перевел дыхание. – Так вот... Никто из них твою брюнетку не приводил.

Я был прав: моя девушка-наваждение соткалась из снега и растворилась обратно – в белый мягкий водоворот холодных звездочек. Красиво. Но грустно.

Я молчал. Ждал.

Кеша тоже подождал моих расспросов и, не дождавшись, сказал:

– Но они ее помнят, сразу заметили – яркая. Она пришла позже всех.

– Сама?

– Почему сама? – решил помучить меня Слонимский. – Возможно, она пришла с одним из мужчин. А ушла с тобой.

Я обдумал услышанное. Интересно.

– С кем? Там же вроде все знакомые.

– Не знаю. Человек десять мужиков было. Если не больше.

– А можешь узнать, с кем она пришла? Кто она? Как ее найти?

Пауза.

– Алан, – каким-то новым голосом сказал Кеша. Словно и не он. – Эх тебя... забрало. – Вздыхнул: – Сам подумай: я что, буду каждого обзванивать и спрашивать: старик, как дела, кстати, ты у меня недавно был с девушкой, которая ушла трахаться с Арзуманяном, помнишь? Телефончик не дашь?

Да, глупо.

– Не горюй, – попросил Слонимский. – Суждено – найдется. А не найдется, значит, не суждено. Будешь без перламутровых.

Кворум неНациональный проект

Кворум 1.0

Аэропорт Хитроу наполнил Марка Наймана ощущением заграницы. За раздвигающимися стеклянными дверьми Терминала 4 висел теплый немосковский апрель – сырость воздуха и предчувствие скорого солнца.

Его “Бомбардьер Челленджер 601” на девять человек был пуст: он прилетел один. Найман любил этот самолет. Купил давно – первым из трех, но не хотел с ним расставаться, и по Европе летал только на нем. Для более дальних полетов имелся другой – более дальний.

Из Хитроу Марк поехал на Итон Плэйс в Белгравии. Белые викторианские здания по периметру зеленого прямоугольника сквера, воздух, напоенный привилегированностью, словно здешние деревья выделяли не кислород, а деньги. Аня и девочки основную часть времени жили в поместье в графстве Суррей под Лондоном, и перед прилетом он попросил их приехать в лондонский дом, не хотел тащиться за город.

Марк перевез жену в Англию после юкосовского дела, и родившиеся здесь дочери плохо говорили по-русски. Говорили, конечно, потому что родители заставляли, и русская учительница с испуганными глазами и вечно виноватой улыбкой приходила трижды в неделю и мучила их диктантами из классики. Она старалась быть понезаметнее, слиться с бежевыми стенами особняка, одеваясь в пастельные тона, и ей это удавалось. Каждый раз, встречая ее на одном из пяти этажей, Марк с трудом вспоминал, кто она и почему здесь. Он был с ней вежлив, поскольку был вежлив со всеми, но не мог запомнить, как ее зовут.

По дороге домой ему позвонил Покровский. Обрадовался, узнав, что Найман в Лондоне, и попросил о встрече.

– Марк Наумович, я тоже здесь, с Максом Строковым. Нам нужен час времени. Наедине.

Час – было много. Найман приезжал в Лондон побыть с семьей, а не заниматься делами: дела оставались в России. Дела оставались в России вместе с другой жизнью, и вместе с той жизнью в России оставался другой он. В Лондоне Найман был муж и папа. А не Марик – известный всей стране самый богатый человек восьмой части суши, главный российский олигарх. Он подозревал, что в России имеются люди и побогаче, но им удалось не попасть в первую строчку списка Форбса.

Час было много. Он приезжал в Лондон к семье, которую любил, и хотел быть с ними – с Аней и девочками. И так уже пропустил прошлую неделю. Аня будет сердиться. Не скажет ничего, промолчит, как всегда, но ощущение, что она и дети для него не главное, у нее останется. А они – главное. Аня – главное. Несмотря на других женщин, случавшихся в его жизни – все реже и реже.

Найману часто было стыдно, что Аня любит его больше, чем он заслуживал. Тогда он летел в Лондон и что-нибудь ей дарил.

Найман ценил чувство дома. С годами потребность в этом чувстве усиливалась, нарастала, заполняя его ровным покоем. И сама Аня была окутана этим ощущением покоя, будто теплым туманом, в котором сразу становилось легко и просто, и ее туман расплывался, заполняя мир вокруг. Все остальное – манящие огни больших задач, бури бизнеса, молнии недолгих увлечений – все тонуло в этом тумане, и он съедал ту, другую жизнь, жизнь помимо себя, жизнь за своими границами, и казалось, ничего, кроме этого теплого, покойного, уютного тумана, нет и быть не должно. Так белый утренний воздух над несущейся в ненужную даль рекой прячет

ее, и лишь отдаленный гул течения слышен за его плотной завесой. Река пропала, и не нужно куда плыть. Лег, укутался туманом и заснул.

Ему повезло с Аней: она не задавала вопросов. Оттого и ни к чему было врать.

Найман не хотел ее расстраивать. Лучше встретиться с Покровским и Строковым сейчас – до приезда домой, чтобы потом ничто не отвлекало от семьи.

– Если на час, то прямо сейчас. Потом не смогу уже до Москвы.

– Где удобнее, Марк Наумович?

Он назвал место.

Суть изложил Покровский. Найман не любил Покровского, оттого что понимал его лучше других молодых российских миллиардеров, которые ему нравились. Они рассчитывали на себя и думали, что не зависят от жизни. Они думали, что жизнь зависит от них.

Покровский был переходным звеном. Вроде один из новых, но вырос в бизнесе по старым правилам. Найман знал его покровителей: люди из старого мира, занявшие место в новом, оттого что работали в правильных организациях. Люди, удержавшие страну на чекистском крючке. И поймавшие на тот же крючок таких, как Покровский.

Им подали обед в отдельной комнате закрытого клуба “Уайтс”. Найман не совсем понимал, зачем это нужно, но жившие в Лондоне друзья посоветовали выбрать клуб. Он вступил в два – “Девоншир” в Сити, деловом районе Лондона, где собирались финансисты, и “Уайтс” на Сент-Джеймс-стрит – старейший в Британии клуб аристократии, куда до сих пор не допускали женщин. “Уайтс” не принимал новых кандидатов, если их заявления не поддержаны минимум тридцатью пятью членами клуба, да и тогда особо не принимали, но Марка Наумовича Наймана приняли. Вероятно, посчитали его британским аристократом.

– Время подошло. – Покровский прожевал листья салата с тыквенными семечками и козым сыром, проглотил. Запил белым вином. – Мы пришли к выводу: время подошло. Нас – мировую элиту – ожидает насильственное перераспределение активов. Нужно решение создавшейся ситуации.

– Кто – мы, Валентин? – спросил Найман. – Кто пришел к выводу? Вы и Максим?

– Не только. – Покровский откинулся на спинку стула, улыбнулся: – Коля Гнатюк. Антон Кляйнберг. Но идея, идея о том, что нужно делать, – Максима.

Строков был гений. Найману это объяснили, когда он вкладывал деньги в первый строковский стартап после возвращения того из Британии. Найман инвестировал во все российские хайтек-проекты, хоть и не понимал этот бизнес – без внятной прибыли, с непонятно на чем основанными оценками, но деньги это для него были небольшие, и сулимый потенциал намного превышал риск. Главное же – такие инвестиции давали ему ощущение молодости, как давали его недолгие романы с юными девушками. Девушки, правда, не приносили долгосрочной прибыли. Зато обещали кратковременный результат.

– Что здесь нового? – спросил Найман. – Это продолжается с момента формирования классов: одни защищают свои привилегии, другие пытаются их отнять. Что вы вдруг сейчас всполошились? И какой такой вы нашли выход, который человечество не могло найти раньше? Поделитесь, Максим.

Строков сидел молча, склонив набок большую красивую голову с длинными темно-русыми волнистыми волосами и огромными, подернутыми дымкой, серыми глазами. У Строкова было лицо викинга, как их рисовали в детских книжках про Древнюю Русь – широкоплечих, бородатых, приплывших в дальнюю лесную страну навести в ней суровый северный порядок. В молодости Найман хотел такое лицо. Сам он был высокий, худой, с длинным подбородком, и, как говорила Аня, весь из углов. И лицо его – длинное, худое – тоже было словно составлено из углов или, скорее, из треугольников. Найман был похож на большого сероглазого доberman. Он это знал.

– Выход нашли, – подтвердил Строков. – Стратегию выхода нашли. Раз и навсегда изменить эту... – Он запнулся, подыскивая правильное русское слово, – эту парадигму. Динамику. Борьбы за привилегии. Станет невозможно.

И снова Покровский:

– У власти нет альтернативы, если она хочет остаться властью. Нужно будет задобрить, закидать массы деньгами, симулировать социальную справедливость. А у кого взять деньги, как не у нас? К нам и придут. Нас и сдадут. Не потому, что наша власть плохая, хотя она плохая, но не поэтому: любая администрация так поступит – любая и везде, если держится за свое место. Нужно глобальное решение проблемы, ее корня, первопричины, и мы можем его предложить. Раз и навсегда, как сказал Макс. Что делать. Как поменять ситуацию.

– Интересно. – Найману и вправду было интересно. – Что за идея?

Они закончили ланч; в приоткрытую для выноса грязной посуды дубовую дверь проникла приглушенная жизнь закрытого клуба “Уайтс”: вежливый шелест подошв прислуги, британские голоса с их постоянно меняющейся, плавающей интонацией, позвякивание бокалов на уносимых и приносимых подносах, и тот странный фон, что всегда висит там, где много людей. Найман чувствовал этот фон, как чувствовал температуру воздуха, как чувствовал влажность воды: фон зудел, дрожал, словно дымка, даже в пустых коридорах, будто люди ушли, и после них остался белый шум – как радиация. В разных местах фон звучал для него по-разному, будто разные люди по-разному меняли структуру молекул окружающего их воздуха, и в нем появлялось нечто, помимо кислорода и азота, аргона и примесей. Найман всегда хотел знать, слышит ли это он один или слышат все, но забывал поинтересоваться.

– Проект называется КВОРУМ, – сказал Покровский. – То есть достаточное число участников. В смысле – больше не нужно.

– Для чего не нужно? – спросил Найман.

– Вообще не нужно, – ответил Строков.

Кворум 1.1

Ситуация поменялась после Крыма. Стало понятно, что власть готова обострять положение без оглядки на элиту. Стало понятно, что нужно выработать альтернативную стратегию будущего, потому что, когда все наебнется и собирание земель русских – прекрасное для электоральных рейтингов, но губительное для бюджета – обернется дырой, куда утечет старательно скопленный жировой запас страны, власть найдет виноватых и выдаст их на народный суд. А кто виноватые – понятно. Родина знает своих злодеев. Поименно.

Покровский не переставал удивляться тому, что при всей очевидности происходящего российские элиты продолжали жить по инерции, по раз навсегда выработанному и заведенному ритму вассального смирения – мерному и покорному. Словно их сердца бились в унисон с кремлевскими курантами: бом-бом бом-бом бом-бом. В нем стучал, рвался наружу другой ритм: нетерпеливый, рваный, резкий. Сердце Покровского отсчитывало секунды вдвое, втрое быстрее, чем они пролетали, будто он дышал вздохом, хватая раскрытым ртом воздух – чтобы меньше досталось другим.

Сердце Покровского и сейчас билось так же зло и быстро, как двадцать лет назад, когда он ехал в переполненном метро на свою первую работу в брокерской конторе. И хотя теперь он ездил в собственный офис-особняк на Садовом в бронированном “Майбах Пульман” с двумя джипами охраны, сердце не ожирело от заработанных денег, и его рваный, спешащий обогнать время, ход не замедлился. Главное, его сердце не стало добрее. Потому он и был успешнее других.

Покровский жил будущим. И видел, что проблема будущего носила глобальный характер: скоро все отнимут. Эмиграция ничего не решала, потому что западные правительства начнут отбирать у богатых активы еще быстрее, чем в России, поскольку на Западе власть по настоящему зависела от избравшего ее народа. Оттого что на Западе народ избирал власть по настоящему.

Год после Крыма Покровский метался в поисках выхода, пока вернувшийся из Британии, где он прожил семнадцать из своих двадцати шести лет, Максим Строков не предложил решение. Строков только что продал Гуглу за полмиллиарда долларов проект нового веб-сервера, работавшего вдвое быстрее, чем все остальные, и переехал в Москву. Почему – оставалось загадкой. Особенно для тех, кто жил в Москве. И особенно после Крыма.

От Строкова Покровский впервые и услышал про стратегии будущего, над которыми работал хайтек элиты Силиконовой долины, но тогда не воспринял это как руководство к действию. Скорее, к сведению, и к сведению не первой важности. Цукерберг и Маск спорят об использовании искусственного интеллекта? Брин и Пейдж вкладывают бабки в работу над продлением жизни?! На хер кому это нужно? Какое продление жизни?! Тут бы одну жизнь дали прожить, и за то спасибо.

– У них обстановка спокойнее, – соглашался Коля Гнатюк. – Им с чиновниками не нужно вопросы решать, не нужно на власть оглядываться. Отсюда излишек ресурсов. Мы свой излишек бережем на черный день, когда силовики нас пошлют на хуй и все отнимут, а им этого бояться не надо. Вот они и вкладывают в будущее.

Могут себе позволить, думал Покровский. Потому что у них это будущее есть. А у нас только настоящее. Причем готовое в любой момент оказаться прошлым.

Они собрались в двухэтажном пентхаусе Матвея Кудеярова в Найтсбридже с видом на обе стороны: на Гайд-парк с севера и на самую дорогую в Лондоне универмаг “Харродс” с юга. Максим Строков предпочитал вид на “Харродс”: Гайд-парк напоминал ему о прогулках с Роуз. В “Харродс” они не ходили: тогда не было денег.

Строков предпочитал вид на “Харродс”. Еще больше он предпочитал вид из своей московской квартиры на Патриаршие пруды: здесь можно было себя обмануть, что никакого Лондона вообще нет, а значит, нет и никогда не было Роуз. Это удавалось, но только днем. По ночам ему казалось, что Роуз медленно, тихо приближается к постели, словно Строков был не в своем ненужно большом двухэтажном лофте на Патриарших, а в их маленькой лондонской квартире в Ноттинг Хилл. Словно, как часто тогда случалось, он один в постели и ждет Роуз, читая и перечитывая ее текст, один и тот же, всегда один и тот же: “Макс, милый, не жди меня, ложись спать. Приду поздно”. Затем она отключала телефон, чтобы избежать объяснений. А он опять не может спать до утра, томясь от мечущихся в сознании картинок того, что и с кем она делала до возвращения домой.

Роуз не боялась объяснений. Она просто не хотела тратить на них время. Роуз никогда не оправдывалась. Сидела на бежевом вельветовом диване в своей любимой позе: подтянув колени, опершись на них подбородком, стряхивая со лба челку светлых волос – каре чуть ниже плеч, и молча смотрела на Максима почти прозрачными голубыми глазами – две льдинки, пока он, судорожно трогая лицо, бороду, волосы, метался по маленькой гостиной и бросал в сгустившийся от обиды воздух повторенные множество раз обвинения.

Выслушав, подождав, когда он, обессилев от жалости к себе, замолчит, Роуз принималась за дела, словно ничего не произошло. Она ведь считала, что ничего не произошло.

– Макс, милый, ты придаешь много значения пустякам, неважным вещам, – как-то в первый год после свадьбы сказала Роуз. – Главное, что мы любим друг друга. Я же всегда возвращаюсь к тебе. А что происходит до моего возвращения, остается там, где происходит. И с кем происходит. К нам с тобой это не имеет отношения. Тебя я люблю.

И она возвращалась – поздно ночью. Когда из-за штор могли в любой момент появиться монстры. Вместо них появлялась Роуз, и это было еще страшнее.

Максим Строков не любил шторы: ему казалось, что шторы изобрели специально, чтобы пугать детей. В шторах жили страшные существа. Он до сих пор их боялся. Теперь он боялся, что в шторах его жизни навсегда поселилась Роуз.

В такие ночи, задержав дыхание, Строков слушал, как Роуз раздевается, пытаясь его не будить. Темнота глушит звуки. Но обостряет зрение. Даже со сдвинутыми наглухо шторами он мог различить ее силуэт – темнее, чем ночь. Вот она – сидит на краю кровати, высоко согнув длинную ногу. Разгибает. Снимает чулок.

Звук лопнувшего. Так нейлон расстается с кожей.

Роуз под одеялом: он может протянуть руку и ее потрогать. Убедиться: она здесь. Роуз лежит, повернувшись к нему лицом; видны челка и губы. Ее дыхание почти не слышно: она скоро заснет. Тогда он останется один, в плотной темноте комнаты, пока утренний свет не просочится, не найдет свой путь из-за наглухо сдвинутых штор. Мир начнет понемногу сереть, бледнеть и становиться более отчетливым. Предметы выступят из темноты – сперва краями, затем все явственнее, пока не станут отличимы от окружающего их воздуха. Он хорошо знал этот момент: часто встречал рассвет в их спальне, так и не заснув.

Ее дыхание почти не слышно – гаснущий шелест. Сейчас она уснет, и он останется один – со своими живущими за шторами страхами.

Строков придвигает к ней руку. Натыкается на ее колено: Роуз лежит на боку, свернувшись клубком. Холод кожи: она недавно пришла с улицы и не успела согреться. Он прижимает ладонь к колену. Ждет.

Роуз не двигается, но Максим знает – она не спит. Его ладонь скользит вверх по внешней стороне бедра.

– Милый, я устала. Завтра, хорошо? Правда.

Правда.

Один. Наедине со шторами. И, ненавидя себя, Максим начинал разговор, который обещал никогда снова не начинать; обещал не ей – себе.

– Ты только пришла.

– М-м-м...

– Ты только пришла. Я слышал.

– Макс, милый, не надо. Ты расстроишься. Накрутишь себя и не сможешь спать.

– Расскажи.

– Милый, не надо. Мы уже пробовали, было только хуже. Я вернулась, я здесь. Я тебя люблю. Постарайся заснуть.

Он старался. Смотрел в невидимый потолок. И знал, что скоро, слишком скоро наступит рассвет.

Филиппинская горничная расставила на одном сервировочном столике на колесах тарелки с закусками, на другом алкоголь и вышла.

Кудеяров налил себе дорогой финской воды VEEN – двадцать пять долларов бутылка – и оглядел собравшихся.

– Вы, господа, судя по всему, попросили меня о встрече для того, чтобы сообщить какое-то пренеприятнейшее известие, – лениво протянул Кудеяров. – Что случилось? Нам всем пиздец? Не пугайте: говорите как есть.

Строков много слышал о Кудеярове. Лидер российского хайтека, гений, друг Брина, Пейджа, Цукерберга. Истории о Кудеярове, бросившем институт за два месяца до защиты уже написанного диплома и ушедшем в бизнес, истории, ставшие легендами российской хайтек-мифологии, пересказывались и перевирались людьми, никогда его не знавшими. Покровский и Гнатюк Матвея хорошо знали и были его друзьями. Сокурсниками по Физтеху. Строков видел его в первый раз. Потому на Строкова Кудеяров сейчас и смотрел, стараясь вспомнить. Поморщился.

– Это Макс Строков, – пояснил Покровский.

– Строков? MTR-Z сервер? – заулыбался Кудеяров. Он произносил название сервера не по английскому алфавитному произношению – эм-ти-ар-зи, а как задумывал Строков – МОТОР-ЗЕТ. – С реверс-прокси? Элегантное решение. Вставили вы, Макс, и *Apache*, и IBM.

Максим кивнул, польщенный: сам Кудеяров.

– Матвей, известие действительно пренеприятнейшее. И нам действительно пиздец. Если не начнем действовать. Макс, – Покровский повернулся к Строкову: – расскажи Матвею про наш проект. Про КВОРУМ.

– Лучше ты, Валя, – попросил Строков. – Мне по-русски сложно хорошо говорить. Сложно, когда долго.

Покровский кивнул. Он и собирался сказать самое важное сам. Самым важным был путь в будущее, а будущее он ценил – больше всего: помнил, как после окончания Физтеха выяснилось, что будущего у него нет. Физика в конце 90-х оказалась никому не нужна, и сам он оказался не нужен. Вокруг кипела, бурлила, звала иная жизнь, в которой все выученные законы науки больше не работали; жизнь, каждый день открывавшая новые правила существования, и эти правила определяли направление и ритм страны – до конца дня.

Сердце Покровского билось быстрее других сердец, и в нем жило больше злости: на готовивших его к другой жизни родителей, на проезжавшие по Садовому дорогие иномарки, на заполненные рестораны в центре Москвы, на красивых, дорого одетых женщин, сидящих в этих ресторанах не с ним, и на себя самого. Тогда Покровский пообещал себе, что сделает все, абсолютно все, чтобы никогда не смотреть на людей за столиками ресторанов с грязной холодной улицы: он будет сидеть внутри. И другие будут смотреть на него.

Через год он купил почти новую “Ауди-6” и снимал квартиру в почти центре. Ходил ужинать в хорошие, почти самые дорогие, места тоже в центре. Платил почти самым дорогим проституткам, не выезжавшим дальше центра. Все у Покровского было теперь почти-почти, и он рвался сделать последний шаг: от почти-почти к самому-самому. И сделал, когда Фонд Поддержки ветеранов спецслужб предложил ему возглавить Службу инвестиций в недвижимость в финансовом холдинге “Новый город”. До этого он целый год сливал Фонду информацию о движении денежных потоков на фондовом рынке, чтобы ветераны спецслужб могли прийти к наиболее успешным игрокам и предложить поделиться прибылью. Потому как если не поделится, начнется убыль.

С тех пор прошло почти двадцать лет, но его сердце не стало добрее. И не стало медленнее, а гнало кровь по жилам так же быстро и так же зло, как когда-то. Чтобы успеть за будущим. Потому с будущего Покровский и решил начать.

– Чем элиты отличаются от остальных? Активами. Элиты владеют активами и обогащаются за их счет. Это легко поменять: отнять активы. Не раз происходило – революции, перевороты. Смена элит.

– И не раз произойдет, – вставил Гнатюк. – И не два.

– И не два, – согласился Покровский. – Причем в этот раз произойдет с нами: отнимут и пошлют на хуй. Хорошо еще, если этим и ограничится.

Кудеяров сидел в глубоком бежевом кожаном кресле – напротив Гнатюка. Покровский и Строков заняли два других кресла. В центре между креслами стоял длинный прямоугольный низкий черный матовый журнальный стол с темно-желтой рамкой. Краска в желобке рамки казалась положенной неровно или облупившейся от старости, но Гнатюк знал, что это дизайнерский прием: прошло больше двадцати лет, как он покинул улицу Автоприцеп-17 в Ставрополе, а с ней и свою прежнюю жизнь. И не собирался туда возвращаться. Но не потому, что той, прежней, жизни больше не было, а как раз потому, что она была.

За стеклянной стеной сорок третьего этажа висел белесый лондонский воздух. Внизу – маленькие-маленькие – ходили лондонские люди. Они спешили по своим маленьким делам.

Здание – непрозрачный, из темного стекла обелиск успехам проживавших в нем людей – называлось ОЛИМП.

– И? – Кудеяров снова налил себе воды. – В чем придумка? Как ты предлагаешь противостоять истории?

– Активы можно отнять, – повторил Покровский. – Это уравнивает нас с остальными. Поставит на одну доску. И детей наших поставит на ту же доску. Значит, нужно найти что-то такое, что отнять невозможно. В чем мы будем настолько отличны, что нас нельзя догнать. Нельзя поставить на одну доску: слишком другие.

– Ум, образование, инициатива? – спросил Кудеяров. – Этого добра полно у многих.

– Ум, образование – пройденный этап, – согласился Гнатюк. – Мы о другом.

– Расскажи, Валя, – попросил Кудеяров. – Расскажи о другом.

Он обращался к Покровскому, но смотрел на Строкова: знал, чья идея. Знал, кто предложил невозможное. Покровский тоже посмотрел на Строкова, словно спрашивал разрешения: рассказать?

Строков кивнул.

– Нам, элитам... – Покровский сделал паузу, прислушавшись к стуку своего сердца, словно сверяясь с ним, настраиваясь на него, как настраивают музыкальный инструмент по звуку камертона. – Нам необходимо – первый раз в истории человечества – трансформировать имущественное неравенство в неравенство биологическое, потому что биологическое неравенство преодолеть невозможно: с ним можно только смириться. Муравью не стать львом. И мы должны стать настолько отличны от остального населения, чтобы это население знало: мы – другие. Биологически другие. Потому и занимаем эту нишу. Мы должны стать и оставаться

вечно молодыми и вечно здоровыми. Мы должны – с помощью синтеза биологического и искусственного интеллектов – стать всезнающими и всемогущими. Стать новой расой. Богами.

Все. Сказано. Теперь осталось, чтобы еще было и сделано.

– Богами? – переспросил Кудеяров.

– Богами, – кивнул Покровский. – Это реально. Для тех, кто сможет за это платить.

Кворум 1.2

Найман знал Семена Каверина с давних времен: тот, появившись в Москве из небольшого и недалекого российского города в середине 80-х, устроился культторгом в ДК завода “Серп и молот”. Найман работал на заводе калибровщиком и учился в вечернем Metallургическом институте, куда его взяли без экзаменов: хватило оценок, полученных при поступлении на мехмат МГУ.

А в МГУ его не взяли. По понятной причине. Хоть новое время и стучало, било в окна, какие-то вещи упорно не менялись, словно люди, принимавшие решения, не слышали этого отчаянного стука. И не услышали, пока окна не разбились вдребезги и стекла не разлетелись острыми ранящими осколками на всю страну.

Андропов только умер, и все ожидали, что с трудом складывавший фразы, еле стоявший на трибуне старик с высокими скулами и азиатскими глазами скоро отправится за прежним генсеком. Московский воздух томился ожиданием перемен, и Марк опьянел от предвкушения будущей жизни. Все казалось возможным. Вот-вот. Кроме поступления в МГУ с фамилией Найман.

Позже, в 90-е, новое время отменило казавшуюся незыблемой действительность и сделало вроде бы раз и навсегда застывшую жизнь изменчивой, неверной, начинавшейся заново каждое утро. Новая жизнь требовала перепридумывания себя, звала в прыгнуть в несущуюся мимо лавину возможностей и, как лягушка-царевна, сбросить зеленую липкую шкурку, обернувшись принцами и принцессами. На дворе стояло время Гэтсби, и предстояло выяснить, кому суждено стать великими.

Каверин окончил техникум культуры в своем городе и больше никогда, нигде и ничему не учился, хотя потом этот факт его биографии исчез, испарился и заменился намеками на ГИТИС, на ВГИК, на Московский институт культуры – ничего определенного; вроде и не сказал правды, но и не соврал.

Марку нравился заводской Дворец культуры, где работал Каверин: длинное здание в стиле постконструктивизма на крутом склоне Волочаевской близ Андроникова монастыря. У главного входа стояла бронзовая фигура рабочего в спецовке и сварочных рукавицах, поднявшего руку, чтобы защитить глаза от искр плавки. Найману казалось, что рабочий закрывает рукой глаза, чтобы не видеть жизни вокруг.

Жизнь, однако, не позволяла себя не видеть – публикациями ранее недозволенного, передачами о прежде запретном, публичными обсуждениями дотоле немислимого. Жизнь требовала от бронзового рабочего отвести руку от глаз и посмотреть на искры нового пламени, разгоравшегося ярче и ярче и грозящего то ли осветить и согреть, то ли сжечь все вокруг. Найман знал, что это предстоит выяснить его поколению. Тогда он думал, что результат будет зависеть от них.

Каверин – стройный, откуда-то достававший деньги на джинсы и дубленки, ходивший зимой без шапки, нравился Марку реализмом: он не хотел ждать хорошего будущего, а хотел создать себе хорошее настоящее. И предложил это хорошее настоящее Марку Найману.

– Марик, на заводе есть отдел производства товаров народного потребления.

– Цех, – поправил Найман. – На заводе – цеха. Цех товаров народного потребления.

– Что они производят? Лабуду ведь какую-нибудь.

– Зачем тебе, Сеня?

– Я вчера говорил с инструктором райкома комсомола по культуре: готовится закон о кооперации. Собираются разрешить частнопредпринимательскую деятельность как раз по производству товаров народного потребления.

– Сеня, товары, которые наш завод производит, никто потреблять не захочет, – засмеялся Найман. – Ни наш народ, ни любой другой.

– Так начнем производить что-то еще. Что захотят.

– Нельзя, – объяснил Найман: – План. Начпеха не позволит, ему нужно гнать план.

– Захочет, – успокоил его Каверин. – Во-первых, он сдаст план по рублевому обороту; во-вторых, мы заинтересуем его материально. Кроме того, это инициатива правительства: проведем по комсомольской линии.

Скоро оказалось, что проще не производить товары самим. Проще получить под заказ ненужных товаров сырье в виде металла и продать его на сторону, что сокращало время оборота вложенных денег. А время не хотело ждать, оно летело вперед, и вместе с ним улетали возможности, сулившие счастливое будущее. Настоящее больше никого не устраивало.

Каверину эта идея быстро наскучила. Он забрал свои деньги от перепродажи металла и уговорил директора ДК открыть в их здании коммерческий ресторан. Ресторан назывался “Соренто” – с одним “р”. Почему, не мог объяснить сам Каверин. Кухня в ресторане “Соренто” была грузинской. Туда не хотелось вернуться.

Тогда Найман и принял решение: не производить конечную продукцию, а монополизировать два важных металла – медь и чугун, основы промышленности. Для этого нужно было скупить оставшиеся бесхозными рудники и заводы по производству металла, что требовало денег. Больших денег.

Он договорился о кредите под фальшивый заказ. На этот кредит Найман закупил в Турции псевдозолотые браслеты для часов и продал их за три цены на Кавказ.

Весь конец 80-х Марк искал товары, на которые был настоящий спрос, покупая их на кредитные деньги под никогда не выполненные заказы. Это продолжалось, пока он не понял, что кредитные деньги, если не съедали полностью, то серьезно уменьшали его прибыль.

Следующий шаг был естественным – основать банк. Взять деньги вкладчиков и использовать для торговых операций. Так, в начале 90-х Найман решил организовать “Металлбанк”.

Каверин – московский ресторатор с уже тремя точками в центре – дал Найману главный совет:

– Марик, люди приносят в банк деньги, оттого что они доверяют. А доверяют они тем, кто знает больше их. Тем, кому открыто неизвестное. “Металлбанк” – хуевое название: в нем нет тайны. Металл в сознании населения не связан с деньгами. Сейчас никто толком не понимает, как делать деньги, но готовы отдать их тем, кто понимает.

– Я уже зарегистрировал название. Заказали буквы на фасад – золотом на черном.

– Золотом на черном – хорошо, – согласился Каверин. – А “Металлбанк” – плохо. – Он задумался. – Знаешь, убери оба “л”. Так лучше.

– Оба “л”? – не понял Найман.

– Да, оба “л”. Будет “Метабанк”. Понимаешь, никто не знает, что такое “мета”, но слово знакомое – метаморфоза, метастаза, метафора. А твой банк знает, что такое “мета”. И знает, как мне – дяде Пете – заработать деньги. Можно верить и нести.

Семен Каверин оказался прав. Скоро все стали звать банк просто “Мета”.

Найман знал Семена Каверина с давних времен, но не решался рассказать ему о проекте КВОРУМ, пока не возникла необходимость: Найман не мог согласиться на вторую фазу проекта, как ее видели Покровский, Строков и Гнатюк. Их видение было слишком радикальным, слишком окончательным. Слишком бесчеловечным. Они мыслили как боги, которыми собирались стать. А Марк Найман был не готов стать богом.

Нужен был взгляд со стороны. Нужен был взгляд постороннего человека. И никто в этой ситуации не казался более посторонним, чем Семен Каверин.

Кворум 1.3

Снег – тяжелые хлопья, безостановочно сыпавшие с неба мягким, беззвучным кружением, – заметал ее следы сразу, и, если оглянуться, казалось, она пролетела, а не прошла по двору. Еще не рассвело, и ранний утренний холод жалил лицо. Воздух – плотный от густившегося белого мороза – словно идешь сквозь воду. Снег промочил легкие короткие сапоги на тонком высоком каблуке, и Даша то и дело проваливалась в неплотный наст, покрывший дорожку вдоль стоящих в каре домов. Дворники в ее дворе еще не вышли, и, казалось, никогда не выйдут расчистить налетевшую на город снежную беду.

Дома Даша села на диван в большой кухне, подобрав под себя голые ноги, и укрылась пледом: ее обметенные снегом джинсы сушились на батарее в ванной. Она грела замерзшие руки большой чашкой с душистым бергамотовым чаем и не спешила его пить.

– Не хочу любить, – сказала Даша вслух. – Любовь – болезнь. Вирус. Антибиотики не помогают.

Упавшие на щеки мокрые волосы пока не просохли от растаявшего в них снега. Даша отпила горячий чай. Поморщилась. Встала и, укутавшись в плед, пошла в спальню – одеться.

В маленькой спальне казалось теплее. Хотя из окна дуло: финские стеклопакеты пропустили российский ветер.

Снег за окном перестал идти. Светлый воздух заполнил, залил пространство двора, укутал его и приглушил звуки скребков появившихся дворников. Сквозь расплывчатый туман раннего зимнего утра пробивался желтый свет кухонных окон в доме напротив. Люди вставали и начинали день.

Даша поежилась. Она не хотела начинать день.

В большой гостиной стояли два мольберта и прислоненный к стене широкий пустой квадрат из некрашеного дерева в ее рост. На расстеленном пластике на полу были навалены мотки ниток, ржавая, подобранная на улице, проволока, крупные гайки и куски ломаного металла. Отдельно на краю пластика были сложены руки, ноги и головы детских кукол: некоторые со все еще приклеенными волосами, другие же лишились волос в ходе трудной кукольной жизни. Рядом – аккуратно, в определенном порядке – лежали разных размеров молотки, гвозди, отвертки, шурупы, найденная у чужого гаража кривая доска в интересных разломах и главный инструмент художника – клей COSMO CA-500.200: он клеил все. Раньше при создании композиций Даша не могла приклеить пластик к железу, теперь могла. Приклеивала. Только нужно было работать в резиновых перчатках, иначе кожа сойдет.

– Любовь – вирус, – повторила Даша. Засмеялась: – Не хочу заболеть. Хочу заболеть.

В противоположном углу гостиной – у жалобно вздыхающей батареи – стояла маленькая, тщательно вычищенная клетка. Клетка была пуста. Даша старалась на нее не смотреть.

Она села на пол рядом с разложенными на пластике предметами, которым предстояло воссоздать блуждающий, прячущийся в ее сознании образ, и долго глядела на них. Затем встала, пошла на кухню и принесла пакет с мусором. Надела одноразовые перчатки, развязала пакет и выбрала оттуда морковные очистки и огрызок яблока.

– Любовь начинается с мусора.

Даша расположила огрызок в центре деревянного квадрата и залакировала его лаком, предохраняющим от разложения. Приклеила. Затем окрутила пространство вокруг проволокой, придав ей форму сердца с шипами из маленьких скрепок. Выбрала лысую кукольную головку с голубыми незакрывающимися глазами и прибила в левом углу будущего панно. На головку Даша наклеила морковные очистки – развевающиеся оранжевые волосы. Залакировала. Отошла.

Пустота квадрата дерева перед ней обрастала деталями, начинала жить смыслом. Пустота квадрата неба за окном девятого этажа оставалась пустотой: на небо никто ничего не прибавал и не наклеивал; лишь, неведомо куда,плыли расползающиеся в клочья облака.

– Птицы не летают за моим окном. – Даша привыкла говорить сама с собой во время работы. – Живу в космосе. Вакуум вокруг.

Она долго работала, оживляя коллаж осколками и обломками когда-то целых предметов, согревая комнату своим дыханием.

В конце Даша воткнула в огрызок яблока посреди проволочного сердца большую тонкую острую щепку, отколотую от старой занозистой доски.

Отошла. Посмотрела.

Получилась примитивистская, статичная, почти детская композиция с ясным сообщением: любовь – жуткая вещь. Теперь ее нужно было сделать художественным произведением – внести взрослое мастерство, оживить другими смыслами, подтекстом.

Даша закрыла глаза, сожмурилась, затем резко открыла, чтобы проверить впечатление от созданного: можно начинать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.